

ТЕОРИЯ МОЛОДОЙ ДЕВУШКИ

- *I did love you once.*
Hamlet

Введение

I

Скрываясь за гипнотическими гримасами официального умиротворения, идёт война. Война, которую уже не назовешь просто экономической, гуманитарной или социальной, потому что она *тотальна*. Несмотря на то, что каждый из нас чувствует, что наше существование стало полем битвы на котором неврозы, страхи, сомотизации, депрессии и страдание являются ничем иным как отступлением проигравшего, никто уже не может узреть траекторию происходящей битвы или понять то, что поставлено на кон. Парадоксально то, что как раз из-за тотального (как в средствах, так и особенно в целях) характера этой войны, она стала невидимой.

Открытой борьбе Империя предпочитает скрытые методы, повсеместную профилактику и распространение аппаратов обуздания в повседневной жизни. Слежка за собой полностью заменяет всеобщую слежку, а индивидуальный самоконтроль подменяет собой контроль со стороны общества. В итоге вездесущность новой полиции сделала её практически незаметной..

II

То что ставится на кон в происходящей войне – это «формы жизни», что для Империи значит селекция, управление и ослабление этих форм жизни. Захват спектакля состоит из публичного высказывания желаний, биополитической монополии на все медицинские знания, сдерживание

любого отклонения, используя всё увеличивающуюся армию психиатров, «тренеров», консультантов и координаторов, эстетическое и ментовская *регистрация* биологических данных каждого, всё более настойчивая и пристальная слежка за поведением, принятый по плебисциту запрет «насилия» – всё это антропологический или даже антропотехнический проект Империи. *Это сплошное профилирование граждан.*

Очевидно, что исключительно репрессивная политика не может уничтожить проявления «жизненных форм» – не только «форму» как внешнею силу, которая создает, формирует определенный исходный материал, без которого существование было бы всего на всего «голой жизнью», но и жизненную форму, которая наделяет смыслом определенное стремление, определенное движение тела в данной ситуации. Существует обширный Имперский проект по отклонению, замутнению, поляризации и наполнению тел нехватками и невозможностями. Деятельность этого проекта не обязательно немедленная, скорее она длительная. Используя время и объединив множество эффектов, достигается необходимое обезвреживание тел – особенно в сфере телесного *иммунитета*.

В этой войне *граждане* страдают намного меньше чем те, которые отрицая реальность войны отказываются от своего права на битву; таким образом, то что им остается в мнимости своего существования – это старание вплоть до конца *жизни* совмещать себя с установками Империи. Но для *других*, для нас, каждый жест, каждое желание, каждый аффект приводит к необходимости уничтожить Империю и её граждан. Это вопрос о возможности дышать, о широте страсти. У нас достаточно времени чтобы идти этой криминальной дорогой, ничто не торопит нас начать прямую конфронтацию. Спешка бы являлась доказательством нашей слабости. Будут нападения, но это далеко не так важно как *позиции* из которых они будут производиться; ибо наши нападения направлены на силы Империи, а наши позиции разрушают стратегию Империи. Таким образом, чем больше кажется что Империя одерживает победу за победой, тем больше она повязает в своём поражении. Имперская стратегия это в первую очередь

распространение слепоты между формами жизни; распространение неграмотности в этическом вопросе; переделывание поле битвы в нераспознаваемое или даже невидимое; и в самых критических ситуациях прикрытие настоящей *войны ложными* конфликтами.

Чтобы инициатива нападения была бы в наших руках необходимо ясно понять линию фронта. Фигура Молодой Девушки – это пристально *наблюдающая машина*, созданная империей как раз для этого действия. Одни это используют чтобы подтвердить большую концентрацию враждебных сил в наших существованиях, другие, которые посильнее, используют это чтобы определить силу и скорость выдвижение этих сил. Каждый получит то, что заслужил.

III

Ради ясности: у концепта Молодой Девушки нет гендера. Идущий на концерт парень соответствует ему также как 13-ти летняя девушка накрашенная как старая затраханная порнозвезда. Также как одухотворенный топ-менеджер которому за 50 и который постоянно где-то между офисом и отпуском, так и *одинокая* карьеристка из большого города, которая недавно осознала то что ради карьеры просрала последние 15 лет своей жизни – оба полностью подчинены этому концепту. Иначе было бы сложно увидеть секретную связь между включенными, разодетыми и связанными гражданским браком парами хипстеров живущих в крутом районе и американизированной, мелкобуржуазной молодой женщиной вмести со всей её пластиковой семьёй, ежели концепт Молодой Девушки был бы связан с каким-то гендером.

По своей сути Молодая Девушка является *моделью гражданина* – таким, каким его определило товарное общество сразу после первой мировой войны, как ясно выраженный *ответ* на революционные угрозы. Как таковая, она является *поляризованной фигурой* которая определяет будущее.

В начале 20-ого века капитализм осознал что не сможет удержать себя как эксплуатацию рабочей силы если не сможет колонизировать всё что находится за пределами производительной сферы. Соприкоснувшись с

вызовом социалистов, у него появилась необходимость социализировать себя. Капиталу пришлось самому создать свою культуру, досуг, медицину, урбанизм, сентиментальное образование и мораль; также пришлось создать предрасположенность к самообновлению всего этого. Это был фордистский компромисс, государство благополучия, планировка семьи – социал-демократический капитализм. Таким образом подчинение через работу, которое всегда оставалась ограниченным ибо рабочий так и остался отделенным от своей работы, замещается интеграцией через субъективное и экзистенциальное подчинение – то есть через потребление.

Изначально господство Капитала была просто формальным, а потом шаг за шагом стала *реальным*. В наши дни общество товаров ищет опору в маргинализованных элементах традиционного общества – в первую очередь в женщинах и молодёжи, а потом и в гомосексуалистах и иммигрантах.

Общество товаров сейчас может позволить дать воздух свободы тем, к которым ещё недавно оно относилась как к маргиналам, тем, кто ему был полностью чужд, тем, кто был *враждебно* настроен против него, тем, которых никак нельзя было включить в господствующие нормы интеграции. «Молодёжь и их матери снабдят жизненные стили социальными принципами потребительской этики, которые в свою очередь будут предложены рекламой.» (Стюарь Юэн, Сознание под влиянием) Молодёжь – потому что юность это период жизни в котором отношение с гражданским обществом определены потребительством. Женщины – потому что они всё ещё держат условный контроль над сферой *воспроизводства*, которую ещё необходимо колонизировать. *Молодость и женственность* – реализованные в абстрактные и закодированные качества молодости и женственности и потом поднятые на ранг идеальных регуляторов интеграции Имперских граждан. И таким образом фигура Молодой Девушки реализуется как непосредственное, спонтанное, желанное единство этих двух переменных.

Девушка с мальчишескими повадками необходима как подвид модернизма, она более захватывающая чем все звёзды и звёздочки, которые так быстро оккупируют глобализованное воображение. Албертина, найденная у стены морского курорта, в своей расслабленной и сверхсексуальной бойкости исчерпывает весь крушащийся мир «В поисках утраченного времени». Школьница устанавливает свой закон в *Фердидурке*. Рождается новая авторитарная фигура, которая *превосходит* все остальные.

IV

Реформированная Спектаклем и нейтрализованная Бюрократией, человечество считает, что бросает кому-то вызов, объявив, что оно создано из «граждан». Женские журналы исправляют почти вековую ошибку – наконец-то создав эквивалент для мужчин. Все авторитарные фигуры недавнего прошлого (от политика до начальника, пройдя через мента) переделываются под Молодую Девушку, даже самая последняя из них – Папа Римский.

Есть много знаков того, что новая физиономия Капитала, наброски которой были сделаны в межвоенное время, в наши дни доводится до идеального состояния. «Антропоморфоз» Капитала может считаться законченным тогда, когда его вымышленная сущность полностью обобщена. Когда осуществляется колдовство, по средствам которого широко распространённый кредит управляет любыми сделками (от банковского чека до счёта, от рабочего или брачного контракта до людских и семейных отношений, обучение, дипломы и карьеры, которые следуют за обещаниями всех идеологий – любые сделки сейчас не что иное как бессмысленные сделки обликов), тогда выделяется «сердце тьмы» во всех его «персонажах» и «персоналиях». Так и вырастает народ Капитала, без всяких различий в происхождении, как будто пропала вся классовая и этническая специфика. Этот факт не устаёт завораживать многих молодых людей, которые не перестают думать с взглядом обращенным в прошлое. Молодая Девушка появляется как кульминация этого *антропоморфоза Капитала*. Процесс валоризации перестаёт быть просто капиталистическим: ОН

ПЛНОСТЬЮ СОВПАДАЕТ С ОБЩЕСТВЕННЫМ. Интеграция этого процесса, которая больше не отделима от интеграции в «общество Империи» и которая больше не базируется не на какой-то «объективной» основе, требует *бесконечной само-валоризации*.

Конечный момент в социализации общества, в Империи, это момент когда каждый должен отнестись к себе *как к стоимости* – то есть следовать серии абстрагированного опосредования. Таким образом Молодая Девушка это существо у которого нет других интимных отношений с собой кроме *как со стоимостью* и все её действия редуцируются на производство своей стоимости. Каждый момент она подтверждает себя как *суверенного субъекта* своего овещствления. Вся её бесспорная сила, всеподавляющая уверенность этой модели существа, которое состоит исключительно из норм, кодов и улетучивающихся репрезентаций, весь авторитет, который содержит каждый из её жестов – всё это моментально указывает на её *абсолютную прозрачность* по отношению к обществу.

И как раз из за её ничтожности, каждое из её суждений содержит императивы организации всего общества – *и она это знает*.

V

Это не совпадение, что теория Молодой-Девушки создаётся в тот момент когда Имперский порядок достигает своего завершения и когда этот порядок начинается воспринимается как таковой. Всё приходит к своему концу. И партии Молодых Девушек тоже придётся разделится.

Из за того что форматирование под Молодую-Девушку становится общепринятым, конкуренция становится всё жестче, а удовлетворение, связанное с соответствием этой форме, уменьшается. Приходится делать качественный прыжок, принимать новые и неожиданные свойства и атрибуты, выбираться в какое-то ещё девственное место. Голливудское отчаяние, политическое сознание на уровне телепередачи, развёрнутая нео-будистская духовность, вовлеченность в какой-нибудь проект по коллективной отчистки совести – проделывают эту работу. И так, шаг за шагом, на свет появляется новая *био-эко Молодая-Девушка*. Борьба за выживание Молодой Девушки связана с

преодолением Молодой Девушки эпохи индустриализма и преобразованием в *био-эко* Молодую Девушку. В отличие от своей предшественницы *био-эко* Молодая Девушка не борется за какое-то освобождение, она в свою очередь полностью одержима консервацией. Империя переживает сильные поражения и она вынуждена защитить себя от энтропии. Дошедшая до ситуации когда в её руках абсолютная власть, она ничего кроме как рухнет дальше и не может. Таким образом новая *био-эко* Молодая Девушка будет ответственна, солидарна, экологична, материнска, благоразумна, естественна, уважаема, скорее сдержана чем псевдо-освобождена – короче биополитична как пиздец. Она даже не будет чрезмерностью во внешнем виде, даже наоборот – умерена во всём.

Когда существование Молодой Девушки очевидно доказано, она становится клише; и Молодая Девушка преодолена, во всяком случае в своём примитивном, грубо-обработанном, массово-произведенном аспекте. Эту критическую переходную ситуацию мы используем как опорную точку.

VI

За исключением некорректного названия (эта некорректность может быть намеренной) следующее далее нагромождение фрагментов не образует теорию. Эти материалы собраны наугад из встреч, общения и наблюдения за Молодыми Девушками; жемчужин, извлечённых из их прессы; выражений, беспорядочно собранных при зачастую сомнительных обстоятельствах. Здесь они сгруппированы под приблизительными названиями, так же, как они были опубликованы в первом номере журнала «Тиккун»; их следовало бы привести в некоторый порядок. Выбор такой формы их изложения, с фрагментарностью, со случайным происхождением, с заурядным избытком элементов, которые будучи отполированы, отшлифованы и переброшены, могли бы сформировать полностью презентабельную теорию, значит, что на этот раз была выбрана именно *треш теория*. Основная уловка теоретиков заключается преимущественно в презентации результата их разработки в таком виде, *что процесс самой*

разработки как таковой больше не обнаруживается. Мы готовы биться об заклад, с учётом блумической фрагментации внимания, что эта уловка больше не срабатывает. Поэтому мы выбрали другую. Те, кто на этих страницах будут искать моральный комфорт или, как раз наоборот, осуждение этого комфорта, найдут только дороги ведущие в никуда. Речь идёт, главным образом, не о том, чтобы изменить Молодых Девушек, а о том, чтобы очертить все углы фрактализированного фронта девушкизации. И дать оружие для боя, который ведут лицом к лицу, где отвечают ударом на удар — там, где бы ты не находился.

1. Молодая Девушка как феномен

Молодая Девушка уже стара поскольку она знает себя молодой. Она старается получить как можно больше от этой отсрочки, то есть совершить несколько умеренных чрезмерностей и парочку дозволенных в её возрасте «приключений» и при этом удерживать в уме что придёт момент когда придётся успокоится и повязнуть в ничто взрослого человека. Таким образом, общественный порядок содержит в себе и гниющее время молодости и его нарушения, которое не более как исключение.

Молодая-Девушка сходит с ума по аутентичности, потому что это *ложь*.

В мужском теле Молодой Девушки парадоксально то что он продукт некого «отчуждения путём заражения». Хотя Молодая Девушка в женском теле кажется воплощением определённого отчуждённого мужского воображения, в отчуждении этого воплощения нет ничего воображаемого. Она строго избегает тех в чьих фантазиях она живёт, для того чтобы поработить их. Насколько Молодая Девушка освобождена, цветуща и размножается, настолько она – мечта, превратившаяся в самый агрессивный кошмар. Она – освобождённый раб, вернувшийся как раб, чтобы тиранизировать своего бывшего хозяина. В конце концов мы свидетели ироничного эпилога в котором «мужской пол» становится жертвой своих собственных отчуждённых желаний.

«Я хочу чтобы люди были красивыми.»

Молодая Девушка – это образ тотального и суверенного потребителя и так она ведёт себя во всех сферах существования.

Молодая Девушка отлично знает *ценность вещей*.

Часто, перед тем как слишком заметно разложится, Молодая Девушка выходит замуж.

Молодая Девушка годится только для потребления; не важно в свободное время или на работе.

Из-за того что она приравнена к интимности как таковой, интимность Молодой Девушки стала чем-то анонимным, посторонним и подобно объекту.

Молодая Девушка ничего не создаёт, она воссоздаёт себя.

Вложив в молодёжь и женщин абсурдную символическую прибавочную стоимость, сделав из них носителей нового эзотерического знания, подходящего для нового общественного строя – потребления и обольщения – Спектакль освободил рабов прошлого, но освободил их КАК РАБОВ.

Самая крайняя банальность Молодой Девушки – это всё ещё считать себя чем-то «оригинальным».

Убогий характер языка Молодой Девушки, хотя и содержит в себе неоспоримое сужение сферы опыта, никак не является практической помехой, поскольку он создан не для разговора, а для удовлетворения и повторения.

Сплетни, любопытство, двусмыслица, глупость; Молодая Девушка воплощает полноту негодного к жизни существования, категории которого выявил Хайдеггер.

Молодая Девушка – это ложь, апогей которой – её лицо.

Когда Спектакль трубит о том, что женщина – это будущее человека, он естественно имеет ввиду Молодую Девушку; а будущее, которое он предвосхищает – это просто наипростейшее кибернетическое рабство.

«Точно!»

Всей своей философией Молодая Девушка управляет с помощью дюжины невнятных концепций, которые немедленно становятся моральными категориями, то есть объём её словаря окончательно сведён к паре ХОРОШО/ПЛОХО. Чтобы она могла понять окружающий мир, он должен быть сильно упрощён; чтобы позволить жить счастливо нужно произвести много мучеников и прежде всего её саму.

«Слишком заметные физические недостатки, даже если они никоим образом не влияют на способности к труду, ослабляют людей социально и превращают их в вынужденных инвалидов труда.» (Доктор Жюль Мозес, бюллетень «Afa-Bundeszeitung», февраль 1929)

Для Молодой Девушки самые лёгкие вещи являются самыми болезненными, самые «естественные» являются самыми притворными и самые «человеческие» - самыми механическими.

Подросток – это только недавно созданная категория для удовлетворения требований массового потребления.

Молодая Девушка неизменно называет «счастьем» всё к чему она прикована.

Молодая Девушка не просто несчастна, она также несчастна о том что она несчастна.

В конце концов, *одомашнивание* – это идеал Молодой Девушки.

Блум – это кризис классических гендерных ролей, а Молодая Девушка – это наступление, которым господство товаров отвечает на этот кризис.

В Молодой Девушке нет целомудрия, также как в ней нет и разврата. Молодая Девушка живёт как чужак по отношению к своим собственным желаниям, которые согласованно регулирует *Супер-Эго* товаров. Скука абстракции свободно плавает в этой грёбаной ситуации.

Нет ничего что Молодая Девушка не могла бы привнести в узкий горизонт своей банальной повседневности; поэзия как этнология, марксизм как метафизика.

«Альбертина происходит из ниоткуда и крайне современна в этом: она парит, приходит и уходит, черпает из своего отсутствия привязанностей непостоянство, непредсказуемый характер, который даёт ей свою силу свободы»(Жак Дюбуа, К Альбертине: Пруст и значение социального)

Когда Спектакль обращается к Молодой Девушке он с лёгкостью может использовать немного бафмологии (перепрыгивание по ступенькам лестницы). Так весь смысл бойзбендов и гёрлзбендов заключается в том, что делается шоу о том что делается шоу. Вопиющая ирония этой лжи в том что они представляют как ложь правду о Молодой Девушке.

Когда мир перестаёт крутиться вокруг неё, Молодая Девушка внезапно чувствует головокружение.

Молодая-Девушка понимает себя как держателя *священной* власти: власти товаров.

«Я восхищаюсь детьми: они красивы, честны, им хорошо.»

Мать и шлюха (в том смысле, которое вкладывал в эти понятия Вейнингер) – обе одинаково присутствуют в Молодой Девушке. Но одно с трудом похвально как другое предосудительно. Со временем наблюдается взаимозамена одного другим.

Молодая Девушка обворожительна в той же мере, как всё что выражает её существо заиклено на себе, механически самодостаточно или безразлично к наблюдателю; как насекомое, младенец, робот или маятник Фуко.

Почему Молодая Девушка всегда должна симулировать ту или иную активность? Для того, чтобы остаться неприступной в своей пассивности.

«Свобода» Молодой-Девушки редко когда выходит за показное преклонение перед самой банальной продукцией спектакля; она по сути заключается в итальянской забастовке (в строгом выполнении инструкции) против крайностей отчуждения.

«Будущее Молодой Девушки»: название группы молодых-девушек «коммунисток», организованных в южном пригороде Парижа в 1936 году для «развлечения, образования и защиты своих интересов».

Молодая Девушка хочет быть желанной без любви или любимой без желания. В любом случае она будет несчастна.

У Молодой Девушки есть любовные ИСТОРИИ.

Достаточно просто помнить, что она подразумевает под «приключением», чтобы понять насколько Молодая Девушка боится возможностей.

В старости Молодая Девушка настолько же отвратительна как в молодости. От одного конца до другого, её жизнь - прогрессивное

крушение в бесформенность, которое так никогда не доходит до становления. Молодая Девушка застаивается в лимбо времени.

С точки зрения фигуры Молодой Девушки возрастные и гендерные различия не имеют значения. Ибо нет такого возраста в котором нельзя *удариться* в молодость и нет гендера неспособного принять черты женственности.

Так же как журналы, предназначенные для неё и которые она пожирает так болезненно, жизнь Молодой Девушки разделена и организована под конкретными рубриками, между которыми властвует наивысшее возможное разделение.

Молодая Девушка, которая несмотря ни на что является ничем иным как Молодой Девушкой, скрупулёзно подчиняется авторитарному распределению ролей.

Любовь Молодой Девушки не более чем аутизм для двоих.

То что называется мужественностью – ничего, кроме как ребячество мужчин и женственность то же ребячество женщин. Впрочем, возможно, следовало бы говорить о «вирилизме» и «феминизме», когда к приобретению идентичности примешивается столько волюнтаризма.

То же самое циничное упрямство, которое характеризовало традиционную женщину, находящуюся под домашним арестом и обязанную обеспечивать выживание, теперь расцветает в Молодой Девушке. Правда теперь Молодая Девушка освобождена из домашней сферы и от всей гендерной монополии. Это упрямство выражается везде: в её безупречной эмоциональной непроницаемости к работе, в экстремальной рационализации «сентиментальной жизни», в её походке (спонтанно военной), в том как она трахается или как печатает на компьютере. И также в том как она моет свою машину.

«Информация, почерпнутая мной из популярного берлинского журнала, была особенно познавательной: «Когда мы набираем торговый или административный персона, - говорит начальник отдела кадров, - мы придаём особое значение приятной внешности». Со стороны он напоминает актёра Рейнольда Шунцеля из старых фильмов. Я спрашиваю его, что он подразумевает под этим, говорит ли он о сексуальной внешности или просто очень милой. «Милой — это не совсем точно, - отвечает он, - в первую очередь, как вы понимаете, учитывается высоконравственный розовый румянец на лице...»

В самом деле, я понимаю. Высоконравственный розовый румянец на лице — это скопище понятий мигом проливает свет на повседневный облик украшенных витрин, наёмных рабочих и иллюстрированных журналов. Их высокая мораль должна быть с оттенком розового, а их розовый румянец является отпечатком их моральности. Вот то, чего желают ответственные за селекцию. Они хотят покрыть существование лаком, который скрыл бы любую реальность, кроме розовой. И тем хуже для вас, если ваша высокая мораль скрыта внутри вас или ваш румянец недостаточно морален, чтобы предотвратить выплеск желаний. Тёмные глубины морали без розовых щёчек будут такой же угрозой установленному порядку, как и роза, расцветающая безо всякой морали. Они настолько тесно связаны, что нейтрализуют друг друга. Система, устанавливающая отборочные тесты, в равной степени производит и эту милую и приятную смесь, и чем дальше прогрессирует рационализация, тем большую силу набирает этот розово-духовный макияж. Мы вряд ли преувеличим, сказав, что в Берлине формируется тип служащих, единообразно стремящихся к желаемой цветовой гамме. Язык, одежда, манеры и поведение приводятся к единообразию, и результатом этого является приятная фотогеничная внешность. Это — селекция, производимая под давлением социальных отношений и подкрепляемая экономикой, пробуждающей соответствующие потребности у потребителей.

Служащие принимают в этом участие, вольно или невольно. Использование косметики не всегда продиктовано исключительно роскошью, наплыв клиентов в бесчисленные салоны красоты отвечает

также на экзистенциальные вопросы. В страхе выглядеть постаревшими, женщины и мужчины красят волосы и в сорок лет занимаются спортом, чтобы сохранить фигуру. «Как стать ещё красивее?» - заголовок журнала, недавно появившегося на прилавках, хвастающегося в своей рекламе, что в нём рассказано, как «выглядеть молодо и привлекательно сейчас и в будущем». Мода и экономика работают рука об руку. Лишь немногие могут обратиться к пластической хирургии. Большинство попадают в лапы шарлатанов и вынуждены довольствоваться препаратами столь же дешёвыми, сколь и неэффективными. Именно в их интересах доктор Мозес, ранее упомянутый депутат, некоторое время сражался в парламенте за включение в медицинскую страховку необходимого ухода за физическими дефектами. Недавно созданная Ассоциация врачей-косметологов Германии присоединилась к этой хорошей законотворческой инициативе» (Зигфрид Кракауер, Служащие, 1930)

В Молодой Девушке потеря метафизического чувства (смысла) не отличается от «потери чувственного»(Гелен), где виден экстремальный *модернизм* её отчуждения.

Молодая Девушка движется внутри забвения *Бытия*, также как в забвении событий.

Вся неудержимая агитация Молодой Девушки, в каждом проявлении этого общества, руководствуется скрытым вызовом сделать эффективной фальшивую и банальную метафизику – самой непосредственной субстанцией которой является отрицание течения времени и сокрытия конечности человеческой жизни.

Молодая Девушка напоминает свою фотографию.

Принимая во внимания то что её облик полностью исчерпывает её сущность и её репрезентация исчерпывает её реальность, Молодая

Девушка – это то, что полностью выразимо и также отлично предсказуемо и абсолютно нейтрализовано.

Молодая Девушка существует пропорционально желанию, которое «люди» имеют по отношению к ней и осознаёт себя только по тому что они говорят о ней.

Молодая Девушка появляется как продукт и основной выход из колоссального кризиса прибавочной стоимости в современном капитализме. Она доказательство и опора бесконечной гонки процесса создания стоимости, когда процесс накопления как таковой достиг предела (в связи с недостаточностью планеты, экологической катастрофой или социальной имплозией).

Молодой Девушке нравится прикрывать провоцирующем вторым планом первый план её мотиваций – *экономический*.

Свобода действий Молодой Девушки не препятствует ей быть *пленницей* и проявлять во всех обстоятельствах автоматизм заключённого.

Способ существования Молодой Девушки – быть ничем.

Определённые Молодые Девушки видят «успех в эмоциональной и профессиональной жизни» как амбиции достойные уважения.

«Любовь» Молодой Девушки – это лишь слово в словаре.

Молодая Девушка не только требует чтобы ты защищал её, она также хочет быть способной учить тебя.

Бесконечное возвращение одной и той же моды достаточно ясно показывает что Молодая Девушка не играет со своей внешностью, а скорее внешность играет с ней.

Даже больше чем женская Молодая Девушка, мужская показывает своей имитацией мускулатуры весь характер абсурдности, то есть страдание, которое Фуко назвал дисциплиной тела: «дисциплина увеличивает силы тела (в экономических терминах пригодности) и уменьшает те же самые силы (в политических терминах повиновения). Одним словом, разрывает силу тела: с одной стороны она делает его «пригодным» и «мощным», что оно стремится увеличить, а с другой стороны она выворачивает энергию, силу которая может следовать из этого и превращает в отношения строгого подчинения.» (Мишель Фуко, «Надзирать и наказывать»)

О, молодая девушка, вместилище позорных тайн, прикрытое красотой!»
(Гомбрович, Фердидурка)

Нигде не будет так болезненно одиноко как в объятиях Молодой Девушки.

Когда Молодая Девушка предаётся собственной ничтожности, она по-прежнему привлекает славу; это то, что её развлекает.

«Это именно то, что привлекало меня в ней, эта зрелость и эта самостоятельность молодости, этот полный уверенности стиль. В то время как у нас тогда, в школе, были прыщи и идеалы, неуклюжие движения и неловкость на каждом шагу; её внешность была *совершенной*. Молодость в её случае не была переходным возрастом: для современников молодость представляла единственный подлинный период человеческого существования...Её молодости не требовались никакие идеалы, поскольку она сама по себе была идеальна.»
(Гомбрович, Фердидурка)

Молодая Девушка никогда ничему не учиться. Она здесь не для этого.

Молодая Девушка слишком хорошо знает чего она хочет в *деталях*, чтобы хотеть что-нибудь вообще в целом.

«Руки прочь от моей сумки!»

Триумф Молодой Девушки основывается на провале феминизма.

Молодая Девушка не говорит: Спектакль *говорит* через неё.

Молодая Девушка носит маску своего лица.

Молодая Девушка опускает всё величие до уровня своей задницы.

Молодая Девушка – это фильтр негативного, индустриальный профилировщик односторонности. Она отделяет негативное от позитивного во всём и по существу сохраняет одно из этого. Она не верит в слова, которые в действительности не имеют значения исходя из её рта. Это легко увидеть в том что она понимает под словом «романтический», и как мало это имеет общего с Гёлдерлином.

«Полезно представить себе рождение Молодой Девушки как конструкцию объекта, для построения которого сливаются друг с другом различные дисциплины (от медицины до психологии, от физического до морального образования, от физиологии до гигиены).» (Жан-Клод Карон, Тела молодых девушек)

Молодая Девушка очень бы хотела чтобы простое слово «любовь» не подразумевало проект разрушения этого «общества».

«О, сердце!»

В жизни Молодой Девушки деактивированные и редуцированные в ничто противоречия дополняют друг друга, но никогда не противоречат.

Сентиментализм и материализм Молодой Девушки – это два друга дополняющих аспекта её центрального ничто, не важно как противоречиво они выражаются в её облике.

Молодой Девушке нравится говорить о своём детстве, намекая, что она всё ещё там и продолжает быть наивной. Как все шлюхи, она мечтает о *невинности*. Но в отличие от них, она требует чтобы мы поверили её и поверили искренне. Её инфантилизм, который, в конце концов, является лишь *фундаментализмом детства*, делает из неё хитрый вектор общей инфантилизации.

Для Молодой Девушки даже самые низменные чувства всё ещё содержат престиж искренности.

Молодая Девушка любит свои иллюзии также как своё овеществление: провозглашая их.

Молодая Девушка видит всё свободным от последствий, даже своё страдание. Всё весело, ничего не важно. Всё круто, ничто не серьёзно.

Молодая Девушка хочет быть признана не за то чем она может быть, но просто за то что она есть. Она хочет *безоговорочного* признания.

Молодая Девушка здесь не для критики.

Когда достигается предел возраста инфантильности, когда становится невозможно не спрашивать себя о конце, не обнаружив внезапно себя без средств (что может произойти в этом обществе очень поздно), Молодая Девушка размножается. Отцовство и материнство являются одним из путей свободных от содержания, чтобы остаться под *империей необходимости*.

Молодая Девушка принимает такую перспективу психологии, которую она может соотнести к себе также как к способам существования мира. Таким образом она может представлять определённое сознание своего собственного овеществления, сознание, которое само по себе овеществлено, потому что оно отрезано от любых действий.

Молодая Девушка так хорошо разбирается в стандартных извращениях.

Молодая Девушка нуждается в некотором виде *баланса*, который можно отнести скорее к бухгалтеру, нежели к танцору.

Улыбка никогда не была хорошим аргументом. Есть такая вещь как улыбка мертвеца.

Чувства Молодой Девушки составлены из знаков, а иногда из простых *сигналов*.

Везде где *этнос* не удался или разложился, Молодая Девушка появляется как носитель мимолётной, бесцветной морали спектакля.

Молодая Девушка не должна понимать тебя.

Пристрастие Молодой Девушки к актёрам и актрисам объясняется элементарным законом магнетизма: в то время как они представляют *позитивное* отсутствие всех качеств (ничто, обличённое в любые формы), она лишь негативное отсутствие всех качеств. Таким образом, актёр – это то же самое что и Молодая Девушка; и её отражение и её отрицание.

Молодая Девушка понимает любовь как конкретный вид деятельности.

Молодая Девушка содержит в своём смехе всё опустошение ночных баров.

Молодая-Девушка всего лишь насекомое, находящееся в согласии с *энтомологией женских журналов*.

Также как и беда, которое никогда не приходит в одиночку, Молодая Девушка никогда не одинока.

Везде где доминирует Молодая Девушка, также должны доминировать её вкусы; что и определяет вкусы нашей эры.

Молодая Девушка – это чистая форма овеществлённых отношений; она – это истина, скрытая в них. Молодая Девушка – это антропологическая конденсация овеществления.

Спектакль с размахом вознаграждает конформизм Молодой Девушки, хотя делает это косвенно.

В любви Молодая Девушка ведёт себя как бухгалтер, всегда предполагая, что она любит сильнее, чем любят её, что она отдаёт больше чем получает.

Между Молодыми Девушками существует не вдохновляющее единство жестов и выражений.

Молодая Девушка – онтологическая девственница, не затронутая никаким *опытом*.

Молодая Девушка проявляет заботливость только если ты очень, очень несчастен – это аспект её ресентимента.

Молодая Девушка ничего не знает о потоке времени, в лучшем случае ее волнуют его «последствия». Иначе как она может говорить о старении с таким негодованием, как будто совершается некое преступление против неё?

Даже когда она не старается никого соблазнить, Молодая Девушка действует соблазняюще.

Во всём что делает Молодая Девушка, есть что-то *профессиональное*.

Молодая Девушка всё ещё тешит себя тем, что имеет «практическое чутьё»..

В Молодой Девушка даже самый плоский морализм пропитан блудным воздухом.

Молодая Девушка несёт на себе всю тяжесть экономики. Но несмотря на это она игнорирует возможности от неё избавиться.

Молодая Девушка – это вся реальность абстрактных кодов Спектакля.

Молодая Девушка занимает центральное ядро настоящей системы желаний.

Весь опыт Молодой Девушки возвращает её к заранее созданному представлению о нем. Всё изливание конкретности, всё о жизненном течении времени и вещей известны ей только как несовершенства, модификации абстрактной модели.

Молодая Девушка – это ресентимент который улыбается.

Есть определённые существа, которые заставляют тебя хотеть умереть на их глазах, но Молодая Девушка только хочет возбудить желание к покорению и желание кончить на неё.

Когда Молодая-Девушка спаривается, это не движение по отношению к другому, но движение избежать своё несостоятельное ничто.

Мнимое освобождение женщин не состояло в их освобождении от домашней сферы, но скорее распространение этой сферы на всё общество.

Столкнувшись с кем-то, кто старается заставить её думать, Молодая Девушка быстро начинает утверждать насколько она реалистична.

Так как она скрывает не свои секреты, а свой стыд, Молодая Девушка питает отвращение к неожиданному, особенно если оно заранее не запрограммировано.

«Влюблённость — лучшее лекарство против стресса.»

Молодая Девушка никогда не перестаёт повторять, что она хочет быть любима за то, *кто она есть* — это значит, что она хочет быть любима за то не-существо, которым она является.

Молодая Девушка — это живая и непрерывная интроспекция всех репрессий.

«Я» Молодой Девушки в толщину журнала.

Ничто в поведении Молодой Девушки не имеет своих собственных причин, всё согласовано с доминирующим определением счастья. Чуждость к себе Молодой Девушки граничит с мифоманией.

В крайнем случае Молодая Девушка фетишизирует «любовь» чтобы не столкнуться лицом к лицу с фактом искусственности своих желаний.

«Пока я счастлива, мне по хуй на свободу!»

«Химия страсти: в наши дни всё объяснимо, даже влюблённость. До свидания, романтика! Этот «феномен» - не что иное, как серия химических реакций.»

Любовь Молодой-Девушки и её задница, отделенные друг от друга, становятся лишь двумя пустыми абстракциями.

«Пример актёра кино вклинивается как призрак, когда обнимаются подростки или взрослые прелюбодействуют». (Хоркхаймер/ Адорно, Диалектика просвещения)

Молодая Девушка парит в дежавю. Для неё в первый раз пережитое — это всегда по крайней мере второй раз представленное.

Само собой ясно, что не было никакого «сексуального освобождение» - что за оксюморон! – произошло только растворение преград; преград, которые могли-бы воспрепятствовать мобилизации желаний в пользу *производства* товаров. Порицание «тирании наслаждения» не осуждает наслаждение, а тиранию.

Молодая Девушка знает как сыграть роль в сентиментализме.

В мире Молодой-Девушки половой акт является логической санкцией за любой опыт.

Молодая Девушка «довольна жизнью», во всяком случае она так говорит.

Молода Девушка создает отношения на основе строгого овеществления и бедной субстанциальности; поэтому ясно что объединяет людей только то что их и разделяет.

Молодая Девушка оптимистична, восхищена, позитивна, довольна, полна энтузиазма, счастлива; другими словами – *она страдает*.

Молодая Девушка производится там, где нигилизм начинает говорить о счастье.

В Молодой Девушке нет ничего особенного, но это и есть то, из чего состоит её «красота».

Молодая Девушка – это оптическая иллюзия, издали – она ангел, вблизи – дьявол.

Молодая Девушка не стареет; она разлагается.

Все знают, что Молодая Девушка беспокоится только о вещах.

Образование Молодой Девушки, по сравнению с другими видами образования, следует обратной траектории: немедленное совершенство, присущее в первую очередь молодёжи, и затем усилия, чтобы сохранить себя на уровне этой первичной ничтожности, а в конце концов провал перед невозможностью вернуться во времени.

Смотря издали, небытие Молодой Девушки кажется относительно необитаемым, а порой даже уютным.

«Любовь, Работа, Здоровье».

Красота Молодой Девушки никогда не её личная красота или конкретная, ей присущая красота. Напротив – это красота без содержания, абсолютная красота, свободная от персональности. «Красота» Молодой Девушки – это форма небытия, форма облика, привязанного к ней. И вот почему она не может без заикания говорить о «красоте», так как она никогда не выражает каких-либо существенных особенностей, но чистую и фантастическую объективность.

«Фундаментальная идеологическая путаница между женщинами и сексуальностью только сейчас достигла своей наибольшей амплитуды, потому что женщины, которые однажды были покорены как гендер, сегодня «ОСВОБОЖДЕНЫ» как гендер... Женщины, молодёжь, тела, появление которых после тысячи лет рабства, забыв что по существу

они и составляют самый революционный потенциал и также наиболее фундаментальный риск для существующего порядка – сегодня интегрированы и восстановлены как «миф эмансипации». Женщина дана женщине для потребления, молодежь дана молодежи для потребления и в этой формальной, нарцисстичной эмансипации их реальное освобождение может быть реально предотвращено. (Жан-Триссотен Бодрийяр, Общество потребления).

Молодая Девушка предлагает недвусмысленную модель этоса метрополии, замороженное сознание живущее в изгнании в пластиковом теле.

«Слишком круто!!!Вместо того чтобы сказать «очень», Молодая Девушка говорит «слишком» (в значении чрезмерности); но, в действительности, она сама слишком незначительна.

2. Молодая Девушка как техника себя

«Что такое удовольствие?»

В жизни Молодой Девушки ничего, даже самые укромные места её интимности, не избегает отчуждённой рефлексивности, кодификации, наблюдательного взора Спектакля. Эта частная жизнь, заваленная товарами, полностью отдана рекламе и полностью социализирована как *частная жизнь*; это означает, что она постепенно подвергается искусственной заурядности, которая не позволяет её выражению. *Для Молодой Девушки самое сокровенное также и самое публичное.*

Тело Молодой Девушки обременяет её; это одновременно её мир и её тюрьма.

Физиология Молодой Девушки – это агрессивная гласис(прикрытие) её бедной сущности.

Молодая Девушка желает Молодую Девушку. Молодая Девушка – идеал Молодой Девушки.

«Устала от мачо? А не попробовать ли мужчину как секс-объект?»

Риторика войны полов (то есть – риторика мщения женщин) является заключительной хитростью (которая остаётся незамеченной), посредством которой мужская логика побеждает женщин: заключая их в простую перемену ролей, в выбор между подчинением и господством, исключая всё остальное.

«Чего требует умерщвление тела? Чтобы мы растили в наших телах святую и непримиримую ненависть.» (Духовные наставления Дочерей милосердия, 1884)

Молодая Девушка старается выразить своё самоотсылающее замыкание на себе и систематическое игнорирование *недостатков*. Вот почему она безупречна и в то же время лишена совершенства.

В сравнительно недавнем прошлом, когда женские журналы были предусмотрены только для женщин, ходили слухи, что чтение этих журналов вводит в депрессию своих читательниц. Там и тут из уст в уста переходила эта наименее важная сплетня эпохи «американских научных исследований», установившем, что женщина, закрывающая один из этих журналов, является более грустной, чем она была в тот момент, когда его открывала, по крайней мере, её мозг производит существенно меньше серотонина. И это действительно так. Если когда-то приходилось наблюдать молодую девушку за этим занятием, то бесспорно вокруг неё чувствуется атмосфера озабоченности, многострадальная серьезность и торопливое перелистывание страниц, якобы она в своих пальцах вертит чётки какой-нибудь зловещей религии. Похоже, что в биополитической религии Империи, акт раскаяния выжил очень хорошо и только сейчас стал более *имманентным*.

«Со своими волосами я могу делать всё, что хочу!»

Молодая Девушка всё от чего она была освобождена реинвестирует в чистое рабство(было бы неплохо задаться вопросом о том, что *современная женщина*, весьма ужасный подвид Молодой Девушки, сделала со свободой, завоёванной для неё в битвах феминизма?)

Молодая Девушка – это атрибут её собственной программы, в которой всё должно быть в строго установленном порядке.

«В двенадцать лет я решила быть красивой.»

Тавтологи́ческая природа красоты Молодой Девушки требует чтобы её не заботила никакая инаковость, только её идеальное представление.

Таким образом, она яростно отвергает своих предполагаемых получателей, не важно насколько они глупы, чтобы верить в то, что она адресует себя им. Молодая Девушка устанавливает такое силовое поле своей *власти*, что в конце концов просто нет возможности приблизиться к ней.

Молодая Девушка *обладает* сексуальностью в той мере, в которой всякая чувственность чужда ей.

«Соответственно, биологизация половых органов в частности и тела в целом устанавливает тело молодой девушки в качестве идеальной лаборатории под наблюдением медиков.» (Жан-Клод Карон, Тело молодой девушки)

«Молодость» и «женственность» Молодой Девушки показывают в какой степени контроль облика углубляется в дисциплину тела.

Задницы Молодой Девушки достаточно чтобы дать ей почувствовать свою исключительную особенность.

Молодая Девушка отличный психолог..она сумела сделать себя такой же *плоской*, как и объект психологии.

Молодая Девушка – это та, чьё само существо основывается на редуцировании метафизического факта конечности жизни до простого *технического* вопроса: какой самый эффективный крем от морщин? Самая трогательная характеристика Молодой Девушки – это несомненно маниакальные усилия достичь, в облике, окончательную непроницаемость ко времени и пространству, её окружению и истории, её усилия быть *безупречной* во всём мире и во все времена.

Этика протестантизма, которая провалилась с окончанием «морали труда» и в качестве поведенческой нормы как общего принципа руководства над обществом, в то же самое время была реинвестирована

на индивидуальном уровне, что ускоренно началось после второй мировой войны. Теперь в массовом масштабе она управляет взаимоотношениями людей со своими телами, страстями и жизнями – они стали частью экономики.

Из-за того что эротизм представляет себя Молодой Девушке со всей бесспорностью позитивности, неизбежно присоединяя себя к сексуальности, и потому что трансгрессия сама становится спокойной, изолированной и количественной нормой, половой акт – это не одна из тех вещей, которая позволяет любое продвижение за определённую внешность в отношениях, которые кто-то имеет с Молодой Девушкой, но напротив – это одна из тех вещей, которая укрепляет вас в этой внешности.

«Новые сиськи на моё восемнадцатилетие.»

«Молодость» спектакля, которой он одарил Молодую Девушку – это очень горькое настоящее, ибо «молодость» безвозвратно утрачивается.

Живое не нуждается в том, чтобы с нарастающей интенсивностью объявлять о себе. То что умирает, шумно рассеивает любое доказательство близости своего конца. И внегендерное утверждение Молодой Девушки – чистая демонстрация того факта, что классические гендерные роли умирают, и это значит, что умирает их *материальная база*. (Призрак Мужчины и Женщины бродит по улицам Метрополиса. Их мускулы из тренажерного зала, их груди из силикона.)

Витрина разделяет Молодую Девушку и мир. Ничто не касается Молодой Девушки и Молодая Девушка не соприкасается ни с чем.

Ничто в личности Молодой Девушки не принадлежит ей лично, её «молодость» даже менее чем её «женственность». Это не она, кому принадлежат эти атрибуты, но атрибуты, которым принадлежит она и которые так щедро даны ей в пользование.

Молодая Девушка гонится за здоровьем так, как если бы оно могло быть спасением.

Ощущение себя мясом, кучей органов, набитой зародышевыми клетками или дополненным яйцами – это основа с которой начинается стремление, а затем и провал Молодой Девушки по придаче себе формы или хотя бы симуляции этого. Это ощущение – не только живое последствие неполноценности западной метафизики, которая предпочла бы чтоб бесформенное предшествовало форме, принесённой для этого извне – это ощущение также то, что товарное господство должно увековечить любой ценой и что оно постоянно упрочивает, приводя все тела к эквивалентности, отрицая формы жизни путём постоянного осуществления уравнивающего вмешательства. Утрата контакта с собой, сокрушение всей интимности с собой, которое порождает ощущение себя мясом, приводит к *непрерывным* условиям принятия новой техники себя, которую Империя предлагает для потребления. *Проникновения всего дешёвого товарного дерьма проявляется в том, как сильно ты чувствуешь себя мясом.*

Утомительное обладание телами.

Ощущение противоречия, между своим существованием как социального существа и своего существования как существа сингулярного, которое разрывает Блума, обошла стороной Молодую Девушку у которой больше нет сингулярного существования также как нет никаких чувств вообще.

«Я и моя грудь, мой живот, моя задница и мои ноги: журнал моего тела.»

Молодая Девушка свой собственный тюремщик – заключённый тела, ставшая знаком языка, сделанном из тел.

«О, этот культ, это послушание, это поклонение девушки перед образом лицеистки и образом современной!..О, это рабство перед стилем, доходящее до самоуничтожения, о, покорность девушки!» (Гомбрович, Фердидурка).

«Глубоко укоренившийся женский инстинкт, предписывающий использование ароматов, является проявлением законов биологии. Главная обязанность женщины — это быть привлекательной. Уровень вашего интеллекта и самостоятельности не имеет значения; если вы не можете воздействовать, сознательно или нет, на людей, которых вы встречаете, вы не исполняете вашу основную обязанность женщины...»(Реклама духов, 20-е годы, США)

Молодая Девушка осознаёт своё собственное существование как проблему *менеджмента*, которую она должна решить.

Больше чем установление взаимоотношений с другими, социальных взаимоотношений или формы символической интеграции, Молодая Девушка устанавливает отношение с собой, то есть *со временем*.

Вопреки видимости, Молодая Девушка не заботится о себе самой. Она не эгоистична, точнее говоря, не эгоцентрична и прежде всего потому что её «я» на самом деле кто-то другой. Она с упрямым благочестием посвящает всю свою заботу тому, что в реальности внешне для неё: своему «телу».

Применение формы капитала ко всему (капитал здоровье, капитал солнце, капитал симпатий и так далее) и в частном случае, к телу, означает, что посредничество отчужденной социальной тотальности вступает в отношения, которые раньше руководились непосредственностью.

В Молодой Девушке напряжение между нормами и природой (условностью и сущностью), поглощено уничтожением значений этих

понятий до такой степени, что кажется, что одно никогда не свершит какое-либо насилие над другим.

Молодая Девушка как капитализм, служащие и одноклеточные: она знает как адаптироваться, и даже больше, ей это льстит.

Противоположно тому что происходило в традиционных обществах, которые распознавали существование презренных вещей и *выставляли их такими*, Молодая Девушка отрицает их существование и прячет их.

Облик Молодой Девушки – это сама Молодая Девушка; между ними ничего нет.

Как все рабы, она считает, что за ней наблюдают намного больше, чем это действительно происходит.

Отсутствие себя в Молодой Девушке не противоречит любой «заботе», которую она проявляет к себе.

Молодая Девушка не настолько пластиковая как она хотела бы быть.

Молодая Девушка не любит морщины, морщины не соответствуют ей, морщины признак прожитой жизни, жизнь не соответствуют ей. Молодая Девушка боится морщин также как всех истинных **ВЫРАЖЕНИЙ**.

В самосознании Молодая Девушка имеет лишь смутное ощущение жизни.

Для Молодой Девушки голая жизнь всё ещё функция привычки.

Молодая Девушка живет изолированно в своей собственной «красоте».

Молодая Девушка не любит, она любит себя любящей.

«Zen, speed, bio: 3 режима образа жизни.»

Молодая Девушка не доходит до требования того, чтобы мимолётные нормы, которым она себя подчиняет, имели какой-то смысл.

Молодая Девушка понимает отношения на основе *контракта*, а точнее, на основе отзывного контракта, который может быть расторгнут в любое время, в зависимости от интересов обеих сторон. Это торг дифференциальной стоимостью каждого на рынке соблазна, где кто-то в конце должен сорвать дивиденды.

«Внорме ли ваше тело? Поддерживаете ли вы должным образом ваш юный каркас, украшенный грациозными округлостями? Прочна ли ваша конструкция? Нежна ли ваша кожа? Короче говоря, вы в порядке?»

Маниакально воспроизводя доминирующий *этнос*, Молодая Девушка *ежедневно* создает себя как таковую.

«Как приобрести десять лет через здоровый образ жизни.»

Транснациональная косметическая корпорация недавно запустила массированную рекламную кампанию нового крема против морщин под названием *Ethique (Этика)*. Таким образом, это одновременно означало, что нет ничего столь же *этичного*, как обмазывать себя хуйней после пробуждения, чтобы соответствовать категорическому императиву молодости, и что не может быть никакого иного *этноса*, кроме этноса Молодой Девушки.

«Красота» - это способ разоблачения, свойственный Молодой Девушке внутри Спектакля. Вот почему она также *обезличенный продукт*, несущий в себе все абстракции, содержащиеся в обязательстве адресовать себя определённому сегменту на сексуальном рынке, в котором *всё напоминает всё*.

КАПИТАЛИЗМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СОЗДАЛ БОГАТСТВО, ПОТОМУ ЧТО ОН *ОБНАРУЖИЛ* БОГАТСТВО ТАМ, ГДЕ ОНО НЕ ВИДНО. ТАК, НАПРИМЕР, ОН СОЗДАЛ КРАСОТУ, ЗДОРОВЬЕ ИЛИ МОЛОДОСТЬ КАК *БОГАТСТВО* – ТО ЕСТЬ КАК КАЧЕСТВА, КОТОРЫЕ ВЛАДЕЮТ ТОБОЙ.

Молодая Девушка с покорностью всего своего существования и видимостью всего тела, никогда не удовлетворена своим подчинением товарной метафизики под нормами Спектакля. Вот почему она чувствует необходимость выставлять свою покорность напоказ.

«Они задели самое дорогое для меня: мой образ.» (Сильвио Берлускони)

Молодая Девушка всегда живёт в паре: со своим имиджем.

Молодая Девушка подтверждает физиологический размах достижений товарной семиократии.

«Насколько вы красивы? Нет, красота — это не субъективная оценка. В отличие от очарования, понятия слишком расплывчатого, красота измеряется в сантиметрах, делится на составляющие, взвешивается, изучается под микроскопом, оценивается по тысяче коварных деталей. Так что хватит прятаться за хипарскими принципами «внутренняя красота — вот что важно», « у меня свой стиль» и дерзните померяться с великими!!!»

Красота Молодой Девушки произведена. Она даже сама не боится говорить: «Красота не падает с неба – она продукт труда.»

Самоконтроль и самоограничение Молодой Девушки получены интроекцией двух несомненных «необходимостей»: *репутацией и здоровьем.*

«В наши дни отсутствие страданий уже является не роскошью, а правом.»

По официальной версии, Молодая Девушка предпочла бы стать кем-то кто чувствует, нежели Блумом, который страдает.

Молодая Девушка стремится к пластиковому совершенству во всех формах, в частности, своих собственных.

От фитнеса до крема против морщин путём липосакции, Молодая Девушка предано стремится к абстрагированию своего тела и к превращению абстракции в своё тело.

«Всё что можно сделать чтобы примирить себя со своим имиджем».

Не зависимо от того какой степени достигает её нарциссизм, Молодая Девушка не любит себя; что она любит, так это «свой» образ, то есть то, что не просто внешнее и чужое, но что в полном смысле этого слова, имеет её. И Молодая Девушка живёт под тиранией этого неблагодарного хозяина.

В конечном счёте Молодая Девушка облачается в своё отсутствие тайны.

Молодая Девушка — это прежде всего точка зрения на течение времени, но это воплощённая точка зрения.

3. Молодая-Девушка как социальное отношение

Молодая Девушка – это элементарное социальное отношение, центральная форма желания желая, внутри Спектакля.

А между тем, любовь пала до самой гнусной игры спектакулярных ролей.

Молодая Девушка никогда не даёт себя, она только даёт то, что *имеет*, то есть перечень качеств, которые даны ей. Вот почему невозможно любить Молодую-Девушку, а только потреблять.

«Понимаешь, не хочу привязываться.»

Соблазнение – это аспект общественного труда, то есть труда Молодой Девушки.

Импотенция или фригидность Молодой Девушки конкретно показывает, что её собственная эротическая сила отделена от неё и стала автономной до такой степени, что начала доминировать над ней.

Когда Молодая Девушка хихикает, она всё ещё работает.

Овеществление Молодой Девушки так отлично сочетается с миром авторитарных товаров, что оно должно считаться основным профессиональным навыком.

Сексуальность настолько же центральна для Молодой Девушки, насколько любой отдельный из её половых актов незначителен.

Даже в вопросах любви они реалистки.

Молодая Девушка не довольствуется верой в то, что сексуальность существует, она клянётся что нашла её. Новые боги, новые предрассудки.

«Что такое качественный секс?»

Никогда не забывай, что Молодая Девушка, которая любит тебя, также сама и *выбрала* тебя.

Для Молодой Девушки обольщение никогда не заканчивается, потому что с обольщением заканчивается сама Молодая Девушка.

Все отношения с Молодой Девушкой состоят в том, чтобы быть выбранным заново в каждый момент; здесь и на работе, та же договорная ненадежность.

Молодая Девушка никого не любит, она любит безличность того, что «ЛЮДИ» говорят/делают/и тд. Ей удастся повсюду обнаружить Спектакль и где бы она его не нашла, она обожает его.

Потому что в Спектакле отчуждение может быть своевременно накоплено даже в плотском союзе.

«Верь в красоту.»

«Диктатура красоты» - это также диктатура уродства. Она не обозначает насильственное господство определённой парадигмы красоты, но более радикально, господство *физического симулякра* как формы объективности существ. Таким образом становится ясно, что ничего не предотвращает это господство от распространения на всех людей, какие бы красивые, уродливые или никакие они были бы.

Для Молодой Девушки притворятся подчинённой не проблема, потому что *она знает, что доминирует*. Что-то в этом достаточно близко к

мазохизму, которому женщины давно научены и благодаря которому они дают мужчинам символы власти, восстанавливая таким образом внутри себя уверенность, что в реальности они её держат.

Сексуальности не существует.

Это абстракция, отделённый момент, ипостась и призрачный дух, властвующий над отношениями между людьми.

Молодая Девушка по-настоящему дома только во взаимоотношениях с чисто внешним.

Молодая Девушка – это производство и фактор производства, то есть – она потребитель, производитель, потребитель производителей и производитель потребителей.

«Женственность» Молодой Девушки обозначает то, что Спектакль обратил легендарную близость «женщины» с природой в состояние абсолютной близости со спектакулярной «второй природой».

Пара: оцепенение неконтролируемой текучести дистанций между телами, врезая в неё присвоенные территории интимности.

Молодая Девушка придаёт слову «желание» крайне своеобразное значение. Не обманись: в её устах это не значит склонность смертного существа, которую он может чувствовать по отношению к другому смертному существу или к чему-либо угодно, но только – безличный уровень стоимости – *разницу потенциалов*. Это не напряжение, которое существо чувствует по отношению к своему объекту, но напряжение в категорическо электрическом смысле,двигающее неравенство.

Соблазнение – это не спонтанные отношения между мужчинами и женщинами, но доминирующие отношения мужчин **между собой**. Соблазнение всегда имело «сексуальность» своим пустым центром, и

она была отталкивающа до тех пор, пока её эффект не был перевёрнут. Стыд и эксгибиционизм являются двумя противоположными полюсами одной и той же фикции.

Сквозь глаза Молодой Девушки на тебя смотрит Спектакль.

Экзистенциальная позиция Молодой Девушки распространена во всех областях человеческой деятельности. В архитектуре, например, это называется *фасадизм*.

Реальность молодой Девушки вне неё – в Спектакле, во всех фальсифицированных представлениях идеалов, которые она распространяет, во всех мимолётных нормах, в манерах, которым она велит подражать. Она всего лишь несущественный набор всех этих абстракций, которые ей предшествуют и которые следуют за ней. Другими словами, она чисто идеологическое создание.

«Сдержанно рассудочная, чувственно холодная, творчески неустойчивая, эмоционально общительная, подавляемо чувствительная, эмоциональный волонтёр. Кто вы на самом деле?»

Сущность молодой Девушки таксономична.

Между монадами, соблазнение – это отношение наиболее соответствующее их сущности. Законченность и непроницаемость обеих сторон – фундаментальная гипотеза гипотеза. Непроницаемость к тому, что она охватывает, Молодая Девушка называет «уважением». Или нечувствительность к тому, кого она обнимает.

Сутенерство является наиболее соответствующей областью *механического* функционирования товарных отношений.

«Мода является подходящей игровой площадкой для индивидуумов, которым не хватает самостоятельности, и они нуждаются в

поддержке, но притом им надо отличиться, привлечь к себе внимание, выделиться...Мода возвышает ничтожного, делая его представителем тотальности, конкретным воплощением общего духа. Она позволяет сделать возможным социальное послушание, которое одновременно является индивидуальной дифференциацией...В данном случае действует смесь из покорности и чувства превосходства.» (Георг Зиммель, Философия моды)

Пара подвергается своего рода шантажу, который всё более и более раскрывается как шантаж сексуальности. Но подобный ультиматум имеет двойственный характер: Молодая Девушка позволяет себе быть действительно близко только с «лучшими друзьями», где вся скрытая сексуальность уже заранее погашена и, в свою очередь, никого она не держит на таком большом расстоянии, как тех кто спал с ней. Это опыт дистанции, который заменяет любовника на партнёра.

Всё поведение Молодой Девушки передаёт её одержимость расчётом.

«Если бы она была моей, она бы никогда не была бы только моей, и не должна была бы ей быть. Красота создана для всех глаз, это общественная институция.» (Карло Досси, Любви, 1887)

В своём роде её цель – «ноль ошибок». И таким образом она распространяет на себя режим правящий производством вещей. Её империализм не прочь выступить примером для всех остальных Блумов.

Вся активность о которой Молодая Девушка заботится, ради которой она отрекается от всякой свободы и в которой она никогда не перестает быть потеряна – *косметической* природы. В этом смысле она напоминает всё это общество, которое так занято заботой о чистоте своего фасада.

Молодая Девушка привыкла называть овеществлённый ансамбль своих границ своей «личностью». Таким образом она может утверждать своё право быть ничем, как право «быть собой», то есть, быть только этим; завоёванное и защищаемое право.

Чтобы сексуальность могла распространиться на все сферы человеческого существования, в начале она должна раствориться как момент, отделённый от остальной жизни.

Тело Молодой Девушки – это не более чем уступка, которая даётся ей более или менее на долгий срок, что проясняет причины почему она так его ненавидит. Это просто арендованное жильё, что-то чем она не может в действительности владеть, чем может только бесплатно *пользоваться*, ибо стенами этой тюрьмы – её телесностью проецированной как капитал, как фактор производства и потребления – владеет атономизированная общественная тотальность.

«Эй, за кого он себя принимает?»

Молодая Девушка – это форма «социальной связи», поскольку она в прямом смысле *связывает* вас с этим обществом.

«Идеальные сексуальные отношения не импровизированы, они решены, организуемы, планируемы!»

Любови Молодой Девушки - это что-то в роде работы и как всякая работа, она стал *ненадёжными*.

Несодержательные идентичности, как «мужественность» и «женственность» не более чем удобные инструменты в спектакулярном управлении социальных отношений. Они необходимые фетиши в циркуляции и потреблении других фетишей.

Спектакль любит себя, смотрит на себя и любит себя собой в Молодой Девушке, для которой он Пигмалион.

Сама по себе, Молодая Девушка ничего не выражает, она - символ значения, которое где-то в других местах.

Молодая Девушка – это двигатель, редуцирующий всё, что входит с ней в контакт, до Молодой Девушки.

«Жить вместе, но каждый сам за себя.»

Молодая Девушка – это наивысшая точка отчуждённой социализации, где самое социализированное также самое асоциальное.

В сексуальности и деньгах отношения отделены от того между чем они создают отношения.

Именно из-за того что её тело (но в целом и всё её существо) было наделено характером *капитала*, молодая Девушка обездолена.

Сексуальность – это устройство разделения. В ней сейчас внедрена социально фикция сферы истины всех отношений, между всеми существами, где дистанция между собой и собой и между собой и другим была отменена, где чистая случайность была воссоздана. Фикция сексуальности устанавливает альтернативы истина/облик, откровенность/ложь таким образом, что всё, не являющееся этим, будет отброшено как ложь. Таким образом это превентивно уничтожает возможность *формирования* отношений между телами. Искусство дистанций, в котором экспериментируется преодолением разделения, создаётся против механизма «сексуальности» и её двойного шантажа.

Молодая Девушка - элемент декора, мастурбирующий пан «современных» условий существования.

Даже в любви, Молодая Девушка говорит языком политэкономии и менеджмента.

Весь мир спектакля – это зеркало, отражающее в Молодой Девушке усвояемый имидж её идеала.

В сердце мира молодой Девушки спрос на свободу принимает форму спроса на соблазнение.

Молодая Девушка является анекдотом мира и господством мира анекдота.

«Работа. Вы вступаете в период важного созидания, который с энергией толкнёт вас в будущее. Вас ждёт: удача, творчество, популярность.
Любовь. Ваша привлекательность принесёт вам много положительных откликов.»

Для Молодой Девушки язык гороскопов является «языком настоящей жизни».

Молодая Девушка имеет вполне магическую способность конвертировать самые разнородные «качества» (удачу, красоту, мудрость, щедрость, юмор, социальное происхождение, национальную принадлежность и так далее) в единую «социальную ценность», которая и контролирует её выбор отношений.

Спектакль утверждает, что способен пробудить в каждой Молодую Девушку, спящую внутри. Он преследует фантазм этого единообразия.

Ложью порно является то, что оно якобы представляет похабное и показывает точку растворения всех представлений. В реальности, любой семейный ужин, любой корпоратив менеджеров, более непристойен чем сперма на лице.

В теле Молодой Девушки нет места для двоих.

Стремление Молодой Девушки стать символом выражает только её желание любой ценой *принадлежать* обществу *непринадлежности*. Это означает *постоянные* усилия остаться адекватной к своему внешнему виду. Ставка объясняет фанатизм.

В современных условиях производства любовь невозможна. В товарном обороте, подарок является либо как абсурдное проявление слабости или как что-то принадлежащее потоку других обменов, управляемого «расчётом бескорыстия». Так как человек должен быть близок только со своими интересами, таким образом, что они не проявляются перед ним открыто, только ложь и симуляции правдоподобны. Так параноидальные подозрения царят относительно истинных намерений и мотивов других; подарки подозрительны, так что теперь нужно платить чтобы их давать. Молодая Девушка знает об этом лучше чем кто-либо другой.

ГРЯЗНАЯ ИГРА ОБОЛЬЩЕНИЯ.

Когда частная собственность освобождается от всего своего метафизического содержания, она сразу не умирает. Она выживает, но дальше её содержание только негативно: право лишать других пользованием нашими вещами. Когда половые акты освобождаются от всех имманентных значений, они распространяются. Но в конце концов остаётся лишь мимолётная монополия на половые органы другого.

Для Молодой Девушки, поверхностность всех отношений является причиной поверхностности бытия.

4. Молодая Девушка как товар.

Молодая Девушка не так беспокоится об обладании эквивалентом своей стоимости на рынке желаний, как об утверждении себя в своей стоимости, которую она хочет знать с уверенностью и точностью с помощью тех тысячи символов, которые она преобразует в то, что она назовёт своим «потенциалом соблазнения», своей *манной*.

«Те кто не могут дать себя – продают себя». (Стендаль)

«Как флиртовать и не выглядеть шлюхой»

Ценность Молодой Девушки ни основывается ни на каких внешних или внутренних точках отсчёта, её основа пребывает в её взаимозаменяемости. Стоимость Молодой Девушки проявляется только в её отношениях с другой Молодой Девушкой. Вот почему она всегда не одна. Приравнивая других Молодых Девушек своей стоимости, Молодая Девушка ставит себя в отношения с собой как с стоимостью. И входя в отношения с собой как стоимостью, она в то же самое время дифференцирует себя от себя как сингулярного существа. «Таким образом, представляя себя как нечто отличающееся от себя, она проявляется как то, что она есть, то есть как товар». (Маркс)

Молодая Девушка - товар, который каждый момент требует чтоб его потребили, поскольку с каждой минутой он приближается к окончанию срока годности.

Молодая Девушка не содержит в себе того из за чего она желанна – своей рекламы.

Молодая Девушка – абсолют: её приобретают потому что у неё есть цена, у неё есть цена потому что её приобретают. Товарная тавтология.

Молодая Девушка – это тот, кто предпочитает стать товаром, нежели чем просто страдать под гнётом тирании.

В любви, как и в остальном этого «общества», *никто более не может игнорировать свою цену.*

Молодая Девушка – это место, где товар и человек сосуществуют *без видимых противоречий.*

Мир Молодой Девушки демонстрирует особую изощрённость, где её овеществление прогрессировало до своего чрезмерного уровня. *Её человеческие отношения - это маскировка товарных отношений, которые в свою очередь маскируют человеческие отношения.*

«Ты заслуживаешь большего, чем этот парень/та девчонка».

В Спектакле Молодая-Девушка - как женщина в примитивном мире – объект рекламы. Но Молодая Девушка, кроме того, ещё и субъект рекламы, который покупает и продаёт себя. Разделение внутри Молодой Девушки – это её фундаментальное отчуждение. К этой драме следует добавить: в то время как экзогамия эффективно поддерживала постоянные отношения между племенами, *манна* Молодой Девушки утекает сквозь пальцы, её реклама не удаётся, и *это она сама* кто страдает от последствий.

Молодая Девушка поглощена ценой. Она только это и от этого её *тошнит.*

Стыд Молодой Девушки состоит не в том что её купили, а в том что её не купили. Она не получает славы только от своей стоимости, она получает славу если ей назначают цену.

Нет ничего более безличного в Молодой Девушке, чем её «ценность личности».

Не редко можно увидеть как от злоупотребления языком, который постепенно становится злоупотреблением реальности, владельцы уникальных или дорогих объектов сначала страстно желают их, затем они утверждают что им они «нравится» и через некоторое время они их даже «действительно любят». Некоторые даже могут утверждать, что они любят данную Молодую Девушку. Но если бы это было действительно так, они бы уже умерли от несчастья.

«О...нет, не в первый же вечер».

Молодая Девушка заставляет работать самоотоваривание нетоваров, самооценивание неоценимого.

«Ценность личности» Молодой Девушки ничего кроме «цены» на которую она хочет быть обмениваема и это причина того почему она позволяет себя покупать и продавать, в конце концов – чтобы поднять свою цену.

Молодая Девушка продаёт своё существование как особую услугу.

Всё неисчислимое, что даёт Молодая Девушка, она также подсчитывает.

В обмене, созданном Молодой Девушкой, личное обменивается на личное на поверхности товарной безличности.

Молодая Девушка, обеспокоенная любовью, только условно допускает к себе (либо на распродаже, либо в соответствии с рыночными перспективами). Даже тогда, когда она отдаётся полностью, она на самом деле отдаёт лишь часть себя по контракту, с сохранением или оговоркой свободы, которую она не продаёт. Поскольку по договору *весь* человек не может быть продан, часть его должна оставаться вне контракта, так, чтобы иметь возможность заключить контракт.

Нет более чёткого способа выразить крайний характер нынешней версии «любви». «Из этого можно заключить, что с самого отношения были извращены и что в товарном *обществе* есть определённая торговля между существами, но никогда не реальные «сообщества», никогда не встречи, которые были бы больше чем просто «право» процедуры, какими бы экстремальными они бы не были. Властные отношения, где платательщик или держатель доминирует, разочарованный своей собственной властью, которая является лишь мерой их бессилия.(Бланшо, Неопишемое сообщество)

Молодая Девушка в любой момент остаётся свирепым *владельцем* своего тела.

Официантка, модель, рекламно-исполнительно-координационный агент. Молодая Девушка сегодня продаёт свою «силу обольщения» как раньше люди продавали свою «рабочую силу».

Всякий успех в деле соблазнения по своей сути является провалом, точно также, как это не мы покупаем товар, а товар *хочет* быть купленным, поэтому это не то чтобы мы соблазняли Молодых Девушек, а скорее они хотят быть соблазнёнными.

Брокер нескольких сингулярных валютных операций, Молодая Девушка направляет все свои усилия на выполнения *хорошего траха*.

Разнообразие социальных, географических, морфологических ограничений, навешанных над упаковками человеческих органов, встречающихся с Молодой Девушкой, недостаточно чтобы объяснить дифференциальную позицию среди конкурирующих продуктов. Их меновая стоимость не может быть основана на любом сингулярном выражении или любом субстанциальном определении, которые невозможно привести к эквивалентности, даже несмотря на мощное посредничество спектакля. Эта стоимость, следовательно, не

определяется любыми эфемерными естественными факторами, а наоборот, суммой *труда* «предоставленной» каждому для создания себя узнаваемым в стеклянных глазах спектакля, то есть, произвести себя как символ качеств, признанных отчуждённой рекламой, которая, в конце концов, лишь синоним подчинения.

Первый навык которому учится Молодая Девушка: организовать свою собственную исключительность.

Остальное для Молодой-Девушки - это знать точно сколько она стоит.

«Какой позор! Отвергнута стариком!»

Молодая Девушка никогда не заботится о себе, только о своей стоимости. Поэтому, когда она сталкивается с ненавистью, её охватывают сомнения: её рейтинг популярности/котировка падает?

Если бы Молодые Девушки могли говорить, они бы сказали: «Наша потребительская стоимость может определённо интересовать мужчин; а как для нас, объектов, то нам полностью наплевать. Что нас волнует так это наша стоимость. Наши отношения, как между продающимися и покупающимися объектами, доказывает это. Мы просто видим друг друга меновой стоимостью. (Маркс, Капитал)

«Соблазняйте полезных. Не утруждайте себя возбуждением всех подряд».

Молодая Девушка относится к себе также как ко всем товарам, которыми она окружила себя.

«Не стоит себя настолько обесценивать!»

Молодая Девушка – и это превыше всего – стремление быть оцененной.

Также как объект, который был приобретён за определённую сумму денег, банален по сравнению с бесконечностью виртуальных возможностей, которую эта сумма составляет, также и сексуальный объект, которым владела Молодая Девушка не более чем разочаровывающая кристаллизация её «потенциала обольщения» и данный половой акт – это лишь бедное воплощение всех возможных половых актов, которые она также могла бы иметь. Это презрение ко всему происходит из религиозной интуиции против «бесконечного зла».

Молодая Девушка – это самый авторитарный товар из всего мира авторитарных товаров, которым никак нельзя обладать, но который контролирует тебя и в любой момент может быть у тебя отобран.

Молодая Девушка – это товар, который утверждает что самолично устанавливает своего покупателя.

Молодая Девушка чувствует себя среди товаров как если бы она была с семьёй, среди сестёр.

Абсолютный триумф Молодой Девушки показывает, что социальность теперь самое дорогое и ценное среди товаров.

Что характеризует империалистическую эру, эру Спектакля и Биовласти, так это факт того, что сами тела Молодых Девушек принимают форму товара, принадлежащего им. «С другой стороны, лишь начиная с этого момента товарная форма человеческих существ приобретает всеобщий характер.» (Маркс)

Лакированный аспект физиономии Молодой Девушки должен быть объяснён фактом того, что как товар она является *кристаллизацией* определённого количества *труда*, израсходованного согласно стандартам определённого типа обмена; и форма, в которой Молодая Девушка появляется, то есть товарная форма, характеризуется утаиванием или хотя бы добровольным забыванием этого конкретного труда.

В «любви» Молодых-Девушек, взаимоотношения между вещами фантазмагорически принимают форму отношений между отдельными индивидуальностями.

С Молодой Девушки начинается не только доминирование товаров над человеческой субъективностью, но сама человеческая субъективность стала выявлять себя как интернализация товаров.

Маркс должно быть не думал о Молодой Девушке когда писал : «..товары не могут поставить себя на рынок или обмениваться между друг другом..».

«Мой парень – поэт.»

«Оригинальность» - это часть банальной системы Молодой Девушки. Это концепт, который позволяет свести все сингулярности к эквиваленту как пустые сингулярности. В её глазах, всё неконформистское находит своё место в некоем конформизме неконформистского. С её точки зрения все несоответствия соответствуют особому несоответствию соответствий.

Это всегда сюрприз, видеть как теория Рикардо о конкурентных преимуществах очень полно проверена в торговле Молодых Девушек, нежели чем в торговле инертных товаров.

Только в обмене Молодая Девушка понимает свою стоимость.

Неважно где: в деревне, в гетто или престижных окрестностях – все Молодые Девушки эквивалентны как Молодые Девушки.

Товары – это материализация взаимоотношений, а Молодая Девушка – их *воплощение*.

Молодая Девушка – это товар, пользующийся сегодня наибольшим спросом: человеческий товар.

Внутри товарной системы, где «красота» ничего не говорит о красоте и облик отделён от любой сущности, Молодая-Девушка не может, чтобы она не делала, отдать себя просто любому.

«Законы рынка» индивидуализированы в Молодой Девушке.

«Плевать, не одна, так другая.»

То, что ещё называется «любовью» - это просто фетишизм, привязанность к определённом товару: человеческому товару.

Глаза Молодой Девушки способны распознать эквиваленции всех мест, всех вещей и всех существ. Вот каким образом Молодая Девушка может сознательно связать всё что входит в её поле зрения с чем-то что она уже знает из отчуждённой рекламы. Это и выражается в её языке который переполнен словами «типа», «вроде», «как бы».

Молодая Девушка – центральный аспект того, что *негрисы* называют «использованием желаний и эмоций в труде». Они неизменно ослеплены этим миром товаров, где они никогда не найдут ничего порочного.

«Обольщение: выучи любовный маркетинг! Ты мечтаешь о нём, он игнорирует тебя. Поймай его используя его законы! Ни один человек не может противостоять хорошо сфабрикованному плану компании. Особенно если продукт её – ты!»

Там, где царит Спектакль, стоимость Молодой Девушки моментально эффективна; её красота сама по себе *исполнительная сила*.

Молодая Девушка, чтобы сохранить свою исключительную стоимость, должна продать себя по полной цене – это значит, что очень часто она должна отказываться продавать себя. Так что, видимо, Молодая Девушка является оппортунистской даже в вопросах воздержания.

«...потому что я этого достойна!»

В терминах классической экономики Молодая Девушка может быть рассмотрена как «товар Гиффена», то есть объект, противоположно тому что «обычно» происходит, более востребованный когда он становится дороже. Под эту категорию попадают товары роскоши, из которых Молодая-Девушка, безусловно, наиболее распространённая.

Молодая Девушка никогда не позволяет себе быть потреблённой как Молодая Девушка, также как товар никогда не позволяет себе быть потреблённым как товар, но только как вещь.

«Ты можешь быть хорошенькой, популярной, докучаемой непристойными предложениями и *внутренне одинокой.*»

Молодая Девушка не существует как Молодая Девушка внутри основной системы эквивалентов и её гигантской циркуляции. Ею никогда не обладают по той же самой причине почему её желают. В то же самое время как кто-то становится её покупателем, она снимается из циркуляции, мираж размывается, трансценденция окутывавшая её исчезает. ОНА ВОНЮЧАЯ ПИЗДА.

«Современный мир является тотально проститутизированным не из-за похоти. Он к такому совершенно неспособен. Он универсально проститутизирован, поскольку он универсально взаимозаменяем.» (Пегги, Объединённая заметка)

Молодая Девушка – универсальный наследник всей псевдоконкретности этого мира и прежде всего псевдообъективности полового акта.

Молодая Девушка предпочла бы быть вещью, но чтобы с ней не обращались как с вещью. Вся её беда происходит от того, что она не просто рассматривается как вещь, но не может даже справиться с тем чтобы действительно быть вещью.

«Нет, моё тело не товар, это средство производства.»

Отвратительность заключается не в том, что Молодая Девушка фундаментальная шлюха, но что она отказывается видеть себя таковой. Поскольку шлюха, не только покупаемая, но также *продающая себя*, является максималистской фигурой свободы на товарной территории.

Молодая Девушка является вещью в той же мере, в которой она считает себя человеком; она является человеком в той же мере, в которой она считает себя вещью.

Шлюха – это наивысшая святость мыслимая товарным миром.

«Будь собой(за это платят).»

Хитрость разума рынка в том, что определяющая ценность Молодой Девушки предполагается как не-товар, как «аутентичное» и «хорошее» в ней.

Молодая Девушка – это кризис согласованности, до кишок завязывающей товарное общество в последней четверти этой эры. Она – ответ на императив тотального отоваривания существования во всех аспектах, на необходимость обеспечить чтобы больше ничего не осталось за пределами товарных и что до сих пор эуфемистически называлось «человеческими отношениями».

Миссия, которую получила Молодая Девушка – это заново очаровать мрачный мир товаров и задержать катастрофу радостно и беззаботно.

С неё начинается второй уровень формы потребления: потребление потребителей.

Если судить по внешним признакам, что во многих случаях стало вполне допустимым, товары, благодаря Молодой Девушке, достигли тотального захвата не-товаров.

Зад Молодой Девушки представляет последний бастион иллюзии потребительской стоимости, которая так явно исчезла с поверхности всего что существует. Ирония конечно в том, что эта стоимость сама по себе ещё и *мена*.

В спектакле можно сказать о Молодой Девушке то же, что Маркс сказал о деньгах: «специальный товар, который стоит в стороне от общих действий и всех других товаров и служит тому, чтобы выставлять их взаимную стоимость.

5. Молодая Девушка как живая валюта

Молодая Девушка покидая циркуляцию быстро обесценивается. И когда она теряет возможность вернуться назад на рынок, она начинает гнить.

Молодая Девушка – это товар, специально предназначенный для циркуляции стандартных эмоций.

Стоимость никогда ничего не измеряла, но то что она до сих пор не измерила, она измеряет всё хуже и хуже.

Живая валюта – окончательный ответ товарного общества на бессилия денег быть эквивалентными и, таким образом, покупать наивысшую человеческую продукцию, которая в одно и то же время *и самая драгоценная и самая общая*. Из-за того что империя денег до такой степени распространилась во все концы мира и во все выражения человеческой жизни, она потеряла собственную ценность и стала настолько же безличной как и её концепт и, следовательно, настолько смехотворной, что стать эквивалентом к чему-нибудь действительно личному стало для неё очень проблематично. Это абсолютное неравенство между ней и человеческой жизнью всегда можно увидеть в том как невозможно должным образом заплатить проститутке. Благодаря живой валюте товарное господство устранило два недостатка – во-первых, невозможность купить человеческую жизнь как таковую, то есть силу; во-вторых, невозможность приобрести её наивысшую продукцию путём умножения её между собой. Живая валюта уравнила неизмеримую личную человеческую продукцию, что тем временем стало преобладающим, и неизмеримую человеческую жизнь. Теперь спектакль оценивает бесценное используя бесценное в «объективной» стоимости.

«Живая валюта» - индустриальный раб – одновременно ценится как символ обладания богатством и самого богатства. Как символ он или она ценятся как все другие виды материального богатства и как богатство он или она тем не менее исключают любую другую потребность, если это не потребность удовлетворения, которую они представляют. Но удовлетворение само по себе также исключено своими качествами символа. (Клоссовски, Живая валюта)

Привязанный к Молодой Девушке как товару, характер исключения связан с фактом того, что она *также*, непреодолимо, человеческое существо, то есть что-то, как золото, имеющее завершение в себе. И это как раз результат этой ситуации *исключения*, что она возвращается к роли основного эквивалента.

Живая валюта, и особенно Молодая Девушка, образуют возможное решение кризиса стоимости, которая больше не способна измерять и вознаграждать самую характерную продукцию этого общества, которая завязана с общим интеллектом.

Сохранение минимума социальных условностей обусловлено фактом того, что избыток живой валюты может обесценить её и сделать неспособной составлять серьёзный контрагент бесценного, которые она предназначена покупать. В то же самое время, переводя неоценимое в ценное, она подрывает своё собственное основание. Спектр инфляции преследует мир Молодой Девушки.

Молодая Девушка – это конечная цель спекулятивной экономики, её первый двигатель, неподвижный.

Задница Молодой Девушки не является носителем новой стоимости, только новым обесцениванием всех предыдущих. Разрушительная сила ауры Молодой Девушки в том что она ликвидирует всю продукцию, которую нельзя конвертировать в живую валюту.

В тотальном нигилизме все понятия величия и престижа уже давно бы исчезли, если их нельзя было бы конвертировать в Молодую Девушку.

Молодая Девушка никогда не упускает шанса провозгласить победу живой валюты над сырыми, гнусными деньгами; таким образом она требует бесконечный противовес – подарок в обмен на себя.

Деньги больше не предельное условие экономики. Их триумф их обесценил. Голый король, сбросивший всё метафизическое содержание, также потерял свою цену. Никто больше не показывает ему уважения в биополитическом стаде. Живая валюта занимает место денег в качестве всеобщего эквивалента, за то что она того стоит. Она – свою ценность и своя конкретия. Покупательная сила живой валюты, и тем более Молодой Девушки, не имеет границ. Она распространяется на всё существующее, потому что в ней богатство пользуется собой вдвойне: как символ и как факт. Высокий уровень «индивидуации» в людях и их продукции, которые сделали деньги неспособными выступать посредником в чистых личных взаимоотношениях, вступают в игру при условии что распространяется живая валюта.

Похоже, что вся конкретность мира исчезает в заднице Молодой Девушки.

Также как после 68 года было необходимо достигнуть организации социального страдания, из-за необходимости вернуть товарам их потерянную честь, сексуальное страдание необходимо для поддержания тирании Молодой Девушки – живой валюты. Но нет ничего конъюнктурного в этом страдании. Напротив, в конце концов это просто сущность самого страдания «сексуальности».

Деньги не противоречат живой валюте. Они консервируют её пройденный момент вместе со всеми её расчетами, которые уже ничего не измеряют.

С тех пор как перевод высокодифференцируемой человеческой жизни в деньги стал невозможен, была изобретена Молодая Девушка, восстановившая ценность девалоризированных денег. Но одним махом она не только превзошла деньги, сделав их вторичным удовлетворением, она регенерировала их и вернула им субстанцию. И деньги смогли продолжить своё существование благодаря этой хитрости.

Безликость Молодой Девушки обладает тем же самым идеалом безупречной, очищающей субстанции, как и деньги. Молодая Девушка сама *без запаха*.

Также как «потребительская стоимость» не имеет отношения к меновой стоимости, эмоции, которые возбуждает живая валюта не поддаются учёту, они не соразмеримы ни с чем! Но так же как потребительская стоимость с трудом существует свободно от меновой стоимости, эмоции, произведённые живой валютой, с трудом существуют вне системы внутри которой они обмениваются. Молодой- Девушкой в действительности не наслаждаются, обладают только её бесполезностью и редкостью.

Когда Маркс говорил о том, что объект меновой стоимости кристаллизирует рабочее время необходимое для производства объекта, он лишь указывает, что в заключительном анализе, стоимость составляет лишь жизнь, упразднённую в вещь – то есть, что живая валюта прежде товар как единица измерения.

Как только телесное присутствие индустриального раба абсолютно вписывается в сложение исчисляемого дохода того что он производит – его облик считается неразрывно связанным с его трудом – только показные различия могут быть сделаны между личностью и её активностью. Его физическое присутствие уже товар, независимый, и дополняющий товары, которым такое присутствие способствует производительности. И теперь индустриальный раб либо

устанавливает строгие отношения между своим физическим присутствием и деньгами, которое оно привносит, или же физическое присутствие меняется местами с функцией денег, оно само становится деньгами: в то же самое время эквивалентом богатства и самим богатством. (Клоссовски, Живая валюта)

Во французском языке слово «foutre» (ебать) используется для обозначения любой деятельности в уничижительном тоне. «Qu'est-ce que tu fous?». И это правда, что во всех обществах где люди не могут участвовать в свободной деятельности, ебля является общим абстрактным эквивалентом, нулевой степенью всей деятельности.

До появления на сцене Молодой Девушки, было невозможно конкретно понять что «физический трах» вообще значит, трахнуть кого-то, не трахая в действительности никакую сингулярную личность. Потому что «половой акт» с существом которое так полностью абстрактно, так эффективно взаимозаменяемо, значит трахнуться с абсолютном.

Если деньги – это король товаров, то Молодая Девушка – королева.

Предпочтительный вид порнозвезды: безмолвной, не словоохотливой, без дискурса. И не потому, что если она будет что-то говорить, то это будет невыносимо или чрезмерно неприлично, но напротив, потому что когда она говорит то, что она говорит о себе, является современной истинной о всех Молодых Девушках.

В конечной фазе спектакля – всё сексуально опосредовано, то есть, половой акт заменил полезность специфических вещей их конечным предназначением. Существование мира товаров теперь стремится исключительно к этому.

«Пока свободная любовь не распространена, определённое количество Молодых Девушек всегда будет нужна для выполнения функции сегодняшних шлюх». (Георг Зиммель, Философия любви)

Ах, Молодая Девушка третичного сектора: маркетинг, магазины, социальный сервис. В ближайшем обозримом будущем вся прибавочная стоимость капиталистического режима будет производится Молодой Девушкой.

Чем обмениваются в половом акте – это самооценкой. Каждая Молодая Девушка представляет себя как автоматический и стандартный преобразователь существования в товарную стоимость.

Молодая Девушка не является ни субъектом ни объектом эмоций, но только *предлогом* для них. На Молодую Девушку не кончают и даже не кончают от того, что она кончает, но кончают от того, что кончают на неё. Необходимо некая авантюра.

Во многих традиционных культурах деньги были метафорой женщины, её плодовитости. Во времена Молодой Девушки женщина стала метафорой денег.

Как и деньги, Молодая Девушка эквивалентна себе и имеет отношение только к себе.

Молодая Девушка настоящее золото, абсолютный товар к которому приравнивается всё что угодно.

«Это односторонне-фетишистская перспектива утверждает что «живущий объект, являющийся источником эмоций с перспективой обмена стоит своих затрат на поддержание». (Пьер Клоссовски, Живая валюта)

Время, высвобожденное совершенствованием и растущей эффективностью инструментов производства не компенсирует любое сокращение «трудового» времени, но расширяет сферу «работы» над всей жизнью и прежде всего составлением и поддержанием достаточно большой массы живой валюты - *доступных* Блумов и Молодых Девушек – для рождения и уже параллельно регуляции сексуального рынка.

Призрачный характер Молодой Девушки повторяет призрачный характер причастности к этому обществу для которого Молодая Девушка также и вознаграждение.

Живая валюта, наконец, показывает истину товарного обмена, то есть его ложь: невозможность приравнять неизмеримую человеческую жизнь (классически коагулируемую в «рабочее время») с инертным, или с деньгами, или с любой другой величиной. Потому что ложь товарного общества в конце концов предназначена для того, чтобы выдавать за регулируемый обмен то, что всегда было ЖЕРТВОЙ и тем самым пытаться погасить БЕСКОНЕЧНЫЙ ДОЛГ.

6. Молодая Девушка как компактный политический аппарат

Более явно, чем любой другой товар, но не более основательно, Молодая Девушка является *агрессивным аппаратом нейтрализации*.

Как капитализму удалось бы мобилизовать аффекты, распылить свою власть, чтобы колонизировать наши чувства и эмоции, если бы Молодая Девушка не работала как *реле*?

Как сама экономика, Молодая Девушка думает, что держит нас посредством инфраструктуры.

Биовласть также доступна в форме крема, таблетки и спрея.

Соблазнение – это новый опиум для народа. Это свобода мира без свободы, радость мира без радости.

Ужасного примера нескольких освобождённых женщин в прошлом было достаточно, чтобы убедить господство в том, что оно может хорошо действовать в отражении всей женской свободы.

Своими чувствами, физиологией, семьёй, «искренностью», «здоровьем», завистью, послушанием всему общественному детерминизму, Молодая Девушка защищает себя от свободы.

Под видом смешливой нейтральности, Молодая Девушка самое страшное из всех видимых политических аппаратов угнетения.

«Ты сексуально нормальный?»

Достижения Молодой Девушки – это достижения живого двигателя, направляемого и направляющего себя в спектакль.

Господство обнаружило средство более мощное, чем просто сила принуждения: *направленная привлекательность*.

Молодая Девушка – элементарная биополитическая единица.

Исторически, Молодая Девушка появилась в крайней близости с Бюввластью как спонтанный адресат всех биополитик, к которой люди обращаются.

«Плохо кушать – это роскошь, признак безделья. Презрение к телу – совершенно самодовольное отношение к себе. Работавшая женщина попадает в поддержание своего телесного капитала (тренажёрный зал, бассейн), тогда как для студентов наиболее важным является эстетика (танец) или изнурительное физическое расходование: ночной клуб.»

Функция Молодой Девушки – трансформировать обещание свободы, содержащееся в конце западной цивилизации, в прибавочную стоимость отчуждения, в углублении товарного порядка, в новое рабство, в *политическое* статус кво.

Молодая Девушка живёт в той же самой плоскости что и технологии, в формальной спиритуализации мира.

Внутри товарного господства соблазнение откровенно показывает себя как осуществление власти.

Молодая Девушка не имеет своего мнения или позиции; она как можно быстрее прячется в тени победителей.

«Современный» тип труда, где выгодным больше не является определённое количество рабочей силы, но скорее покорное осуществление определённых «человеческих качеств», прекрасно подходит навыкам имитации Молодой Девушки.

Молодая Девушка – краеугольный камень системы товарного порядка. Она на службе всех реставраций, с того момента как *она просто хочет немного грёбаного покоя*.

Молодая Девушка – идеальный коллаборатор.

Молодая Девушка понимает свободу как возможность выбора между тысячей ничтожностей.

Молодая Девушка не хочет никакой *истории*.

Молодая Девушка стремится к регулированию всех чувств.

В мире авторитарных товаров, все наивные похвалы желанию являются похвалами рабству.

Всякий раб семиократии извлекает из неё некоторую власть, способность суждения, порицания, мнения.

Молодая Девушка – материализация пути по которому капитализм воссоздает потребности от которых человечество было освобождено, неустанно перерабатывая человеческий мир в соответствии с абстрактными нормами спектакля и поднимая планку этих норм всё выше и выше. Молодая Девушка и Спектакль разделяют болезненную одержимость остаться идентичными себе. Всё это ценой бешеной деятельности.

Строгий контроль и чрезмерная забота, которую это общество оказывает женщинам, выражает только необходимость идентично воспроизводить себя и *управлять* своим сохранением.

«Американская академия политических и социальных наук в публикации о роли женщин в современной Америке (1929) приходит к выводу, что массовое потребление сделало «современную домохозяйку...намного

более похожей на менеджера образа жизни нежели рабочего.»
(Стюарт Юэн, Сознание под влиянием)

Программа Биовласти – это прежде всего процесс подчинения мужчин их собственным телам.

Молодая Девушка уважает «искренность», «добросердечность», «доброту», «простоту», «откровенность», «скромность» и в общем все добродетели которые, если их взять односторонне, всегда будут просто синонимами рабства.

Молодая Девушка живёт в иллюзии того, что свобода находится в полном подчинении товарной рекламы. Но в конце этого рабства нет ничего кроме старости и смерти.

«Свободы нет» - говорит Молодая Девушка и заходит в аптеку.

Молодая Девушка хочет быть «независимой», то есть, по её мнению, зависимой только от общества.

Всё великое, что не является признаком подчинения миру авторитарных товаров, обречено на абсолютную ненависть Молодой Девушки, которая всё ещё смеет говорить о «высокомерии», «эффективности» и даже «презрении».

Молодая Девушка – центральный пункт снисходительного потребления и товарной лени.

Доступ к свободе в спектакле – это только доступ к маргинальному потреблению на рынке желания, которое является его символическим сердцем.

Преобладание развлечения и рынков желания – только момент в огромном мероприятии социального умиротворения, в котором они

получили функцию временного прикрытия живых противоречий, пересекающих каждую точку сети имперской биополитики.

Символические привилегии которыми спектакль одаривает Молодую Девушку возвращаются к нему как контрагент поглощения и рассеивания эфемерных кодов, обновлённых обычаев и общей семиологии, которые должны быть чтобы политически нейтрализовать свободное время, освобождённое «прогрессом» социальной организации труда.

Молодая Девушка в качестве центрального элемента «разрешительной дрессировки».

Молодая Девушка как условия и координация диктаторского управления досугом.

В глубине души Молодая-Девушка - человек без собственного мнения. Она поддерживает всё надлежащее безразличие, всю необходимую холодность, которую требуют условия жизни в Метрополисе.

Для спектакля не очень важно ненавидят ли везде соблазнение, пока людям не удалось получить какой-либо идеи об избытке, которая может преодолеть это.

Когда спектакль делает попытку «воспевать женственность» или более решительно признать «феминизацию мира», от него можно ожидать лишь скрытую пропаганду всех форм рабства и созвездия «ценностей», которыми рабы всегда притворяются что владеют.

«Ты такой отвратный!»

Молодая Девушка является наиболее эффективным средством контроля поведения. С её помощью власть проникла в самые отдалённые уголки жизни каждого.

Насилие, с которым женственность администрирует мир авторитарных товаров, напоминает способ благодаря которому господство чувствует себя свободно в злоупотреблении своими рабами, даже если, в конце концов, оно нуждается в них для обеспечения своего воспроизводства.

Молодая Девушка – это та сила, восставать против которой – варварски непристойно и даже просто тоталитарно.

В мире товаров, живое может увидеть в своих отчуждённых желаниях демонстрацию власти, которую враг забрал у него.

7. Молодая Девушка как машина войны

Молодая Девушка соглашается со всем что может значить подчинение любым видам необходимости – «жизнь», «общество», «работа», образование детей, другая Молодая Девушка. Но это соглашение само по себе определяется в исключительно негативной манере; оно дано таким вещам, которые препятствуют всем сингулярным выражениям.

За зеркальной улыбкой Молодой Девушки всегда скрывается исправительная колония.

У Молодой Девушки нет другой законности кроме Спектакля.

Также как она послушна произволу общественного мнения, Молодая Девушка тиранична когда это касается живых существ. Её покорность безличности спектакля даёт ей право подчинять ему других, кем бы они не были.

В сексе и во всех других секторах её существования, Молодая Девушка действует как грязный механизм отмены негативности.

Так как Молодая-Девушка является живым присутствием всего, что гуманно желает нашей смерти, она не просто чистейший продукт Спектакля, а пластиковое доказательство любви, которую мы ему даём. Она – путь по которому мы следуем своей собственной потере себя.

Всё что ей удалось нейтрализовать находит своё место в мире Молодой Девушки как аксессуар.

Молодые Девушки составляют пехоту в войсках оккупации видимости: рядовые настоящего господства внешнего вида.

Соблазнение как война. Распространённая метафора «пистолета» всё меньше и меньше относится к эротике и всё больше и больше к баллистике.

Молодая Девушка находит себя во взаимоотношениях непосредственности и близости со всем, что содействует перереформатированию человечества.

Каждая Молодая Девушка по-своему включает усовершенствованный аванпост империализма ничтожности.

С точки зрения территории, Молодая Девушка появляется как наиболее мощный вектор тирании рабства. Любое проявление неподчинения приводит её в бешенство. И в этом смысле некая тоталитарная соцдемократия удивительно ей подходит.

Насилие Молодой Девушки пропорционально её хрупкой бессодержательности.

Капитализм по особому использует Молодую Девушку, так, чтобы распространить свою гегемонию над всеми проявлениями социальной жизни. Она – тяжёлая рука товарного господства в войне чьи ставки всё ещё тотальный контроль над повседневной жизнью и «производственным» временем.

Именно потому, что она изображает полную аккультурацию, она определяет себя в терминах установленных чужим суждением, Молодая Девушка – наиболее продвинутый предъявитель спектакулярного *этоса* и его абстрактных норм поведения.

«Необходимо создать крупный образовательный проект (возможно, по китайскому образцу или по модели красных кхмеров) в виде трудовых лагерей, где мальчики под руководством компетентных женщин будут учиться ведению домашнего хозяйства».

Ничтожность Молодой Девушки показывает ситуацию угнетённого меньшинства и в то же самое время свой империалистический и триумфальный характер. Всё это просто потому что Молодая Девушка борется за Империю, своего хозяина.

Противоположно тому, что девушки Вавилона, согласно Страбону, передавали в храм доход, получаемый через свою проституцию, проституция Молодой Девушки приносит прибыль спектаклю и она даже не знает об этом.

«Дальше начиналось истинное сатанинское царство школьницы, была куча конфиденциальных писем, отправленных судьями, адвокатами и прокурорами, аптекарями, коммерсантами, городской и сельской знатью, врачами и т.д., всеми теми замечательными и чудесными людьми, которые всегда мне так импонировали! Я не мог прийти в себя от изумления (...). То есть все они, вопреки видимости, поддерживали отношения со школьницей? Невероятно, я продолжал повторять, этого не может быть. Значит, Зрелость угнетала их настолько, что они, втайне от жены и детей, писали длинные письма юной школьнице?(...) Благодаря этим письмам мне полностью открылась вся сила современной школьницы. Где она только не властвует? (Гомбрович, Фердидурка)

Молодая Девушка – это метафизическая процедура похищения людей, то есть кто-то не её пленник, но скорее пленник в ней.

Молодая Девушка является предупреждением для всех и каждого, чтобы убедиться, что они продолжают соразмерять себя с имиджами Спектакля.

Молодая Девушка – инструмент на службе общей политики, истребляющих существ способных к любви.

Идентичная в этом смысле отчуждённой социальной тотальности, Молодая Девушка питает отвращение к несчастью, так как несчастье осуждает её также как *оно осуждает это общество*.

Молодая Девушка работает на то чтобы распространять некий вид террора веселухи.

-Сколько полиции ещё потребуется, чтобы лицо Молодой Девушки засияло детской улыбкой?

-Ещё, и ещё, и ещё..

Словарь, подходящий для Молодой Девушки – это также словарь тотальной мобилизации.

«Верность даёт проценты».

Молодая Девушка является членом новой полиции нравов, которая следит за тем, чтобы каждый осуществляет свою *функцию* и эксклюзивно её придерживается. Молодая Девушка таким образом *никогда* в действительности не взаимодействует с сингулярным существом, но взаимодействует с набором качеств, объективизированных в роли, характер и социальная ситуация которой должны соответствовать ей в любых обстоятельствах. И так любой с кем она разделяет свою маленькую отчуждённую повседневную жизнь будет окончательно напоминать «того парня» ии «ту девчонку».

Молодая-Девушка следит за товарами завистливым взглядом, потому что она видит в них свою модель, то есть она видит более совершенную версию себя самой. Человечность, которая в ней остаётся, - это не просто что-то что сдерживает её от достижения товарного совершенства, но и то что является причиной всех её страданий. Она хочет искоренить и это тоже.

Молодая Девушка с неподдельной горечью упрекает реальность за несоответствие Спектаклю.

Неведение, с которым Молодая Девушка придерживается своей роли краеугольного камня настоящей системы господства, *также часть этой роли.*

Молодая Девушка – пешка в тотальной войне, которую господство предприняло для того, чтобы искоренить всю несхожесть. Молодая Девушка не произносит жеманно слова, когда говорит, что она «в ужасе от негативного». Когда она говорит так, то она, как камень Спинозы, убеждена, что это она кто говорит.

Молодая Девушка носит маску и когда она признаёт это, то лишь для того чтобы предположить что у неё также есть «истинное лицо», которое она не может показать. Но это «истинное лицо» также маска и напуганнейшая. Это истинное лицо господства. И на самом деле, когда Молодая Девушка «снимает маску», Империя *прямо* говорит с тобой.

«...а что если всех парней на планете уничтожить? Зачем пытаться сделать новое из старого? Меня тошнит от парней, они все могут катиться на хуй, просто...валить! Полюбому, не стоит так горячиться; исторически и генетически время мужчин прошло. Они сами с собой покончат.»

Каждая Молодая Девушка – это скромное предприятие фильтрации.

Взятые вместе, Молодые Девушки представляют самую страшную военизированную силу, которая была в руках людей против всей гетерогенности, против всех смутных желаний дезертирства. Параллельно с этим они также наметили в каждом моменте самые передовые форпосты Биовласти, её отвратительную заботливость и кибернетическое умиротворение всего.

Под кулинарным взором Молодой Девушки все вещи и все существа, органические или неорганические, появляются как если бы ими можно было бы обладать или хотя бы потреть. Всё что она видит, она трансформирует в товар просто смотря на это. Таким образом она аванпост в бесконечных наступлениях Спектакля.

Молодая Девушка – это ничто, которое люди используют чтобы удерживать беременность Ничто.

Молодая Девушка не любит войну, она её ведёт.

Молодая Девушка – финальное рабство, благодаря которому было достигнуто молчание рабов.

Не достаточно утверждать, что Молодая Девушка говорит языком Спектакля, нужно также отметить, что это единственный язык который она понимает, и что таким образом она принуждает всех кто ненавидит её, говорить на нём.

Семиократические власти, насильно требующие *эстетического* согласия в своём мире, льстят себе тем, что теперь они могут передать то что хотят тем что «красиво». Но это «красивое» только социально контролируемое желаемое.

«УСТАЛА ОТ ПАРНЕЙ? ЗАВЕДИ ЩЕНКА! Сколько тебе?! 18, 20? Начинаются занятия, которые будут долгими и трудными? Ты действительно думаешь, что действительно надо замедлится на этом отличном начале ради отчаянного поиска парня, который, в конечном счёте, не способен дать тебе ничего? Или ещё хуже! Ты свяжешься с кем-то далеко не идеальным, не особо милым и не всегда чистым...»

Молодая Девушка способствует согласованности между мимолётными нормами спектакля и *пример* такой согласованности.

Как всё, что достигло символической гегемонии, Молодая Девушка осуждает физическое насилие (как варварское), направленное против её амбиции тотального умиротворения общества. Она и господство разделяют ту же одержимость с безопасностью.

Сам характер машины войны, так поразительно виден в любой Молодой-Девушке, потому что она проживает свою жизнь также как ведёт войну. Но с другой стороны, её надувная пустота уже предвосхищает её грядущую милитаризацию. Она больше не просто защищает свою частную монополию на желание, но в общем состоянии общественного отчуждённого выражения желаний.

Люди не пленники своих «инстинктивных импульсов» в спектакле; они пленники законов желаемого, которые были вписаны в них, в саму их плоть.

Молодая Девушка объявила войну микробам.

Молодая Девушка объявила войну случаю.

Молодая Девушка объявила войну страстям.

Молодая Девушка объявила войну времени.

Молодая Девушка объявила войну жиру.

Молодая Девушка объявила войну непонятному.

Молодая Девушка объявила войну тревоге.

Молодая Девушка объявила войну тишине.

Молодая Девушка объявила войну политике.

И наконец,

Молодая Девушка объявила войну войне.

8. Молодая Девушка против коммунизма

Молодая Девушка приватизирует всё что воспринимает. Таким образом, для неё философ является не философом, а экстравагантным эротическим объектом, в то же самое время для неё революционер не революционер, а украшение.

Молодая Девушка – предмет потребления, аппарат поддержания порядка, производитель сложных товаров, уникальный распространитель спектакулярных кодов, авангард отчуждения и ещё, она – развлечение.

Когда Молодая Девушка говорит «да» жизни, она только выражает свою глухую ненависть к тому, что превосходит время.

Когда Молодая Девушка говорит о сообществе, она всегда думает о сообществе разновидностей, о живом как целом. Она никогда не думает о специфическом сообществе, потому что она обязательно была бы исключена из него.

Даже когда она думает, что вовлекает «всю себя» во отношения, Молодая Девушка ошибается, потому что она не может вовлечь в это своё Ничто. Отсюда её неудовлетворённость. Отсюда же её «друзья».

Так как она познаёт мир глазами товара, то, когда Молодая Девушка смотрит на кого-то, она видит в людях лишь на что они похожи. Наоборот, она считает наиболее личным то, что в ней является наиболее общим: половой акт.

Молодая Девушка хочет чтобы её любили за то, какая она есть, то есть за то, что изолирует её. Вот почему она всегда держит *оценивающую дистанцию*.

Молодая Девушка воплощает в себе всё ничтожество, парадокс и трагедию видимости.

Молодая Девушка – привилегированный проводник товарно-общественного дарвинизма.

Постоянное стремление к сексу – это манифестация убогой субстанциональности. Истину этого нельзя обнаружить в «наслаждении», «гедонизме», «сексуальном инстинкте» или в любом экзистенциальном содержании, которое Блум столь явно опустошил от любого смысла, но скорее в бешеном поиске любого вида связи с недостижимой социальной тотальностью. Речь идёт о предании себе чувства *причастности* через упражнение общей активности, которая наиболее тесно связана с воспроизводством видов. Вот почему Молодая Девушка и самый распространённый, и самый желанный объект, потому что она *воплощение спектакля* или, по крайней мере, она стремится к этому.

Вопрос о высшем смысле в понимании Молодой Девушки является лишним.

Молодая Девушка предпочитает скучную субстанциональность, но некоторые, безусловно, получают предпочтение. Так что любая псевдоличность может утверждать превосходство в «биологическом» содержании (возраст, пол, форма, раса, размеры, здоровье и так далее).

Молодая Девушка требует окончательной близости со всем что разделяет её физиологию. Её функция – обслуживать потухающий костёр всех иллюзий непосредственности, на которых может потом опираться Биовласть.

Молодая Девушка – термит «материального», марафонец «повседневного». Господство сделало её привилегированным носителем идеологии «конкретного». Молодая Девушка не удовлетворена «несложным», «простотой» и «пережитым». Кроме того,

она считает, что «абстрактное», «сложное» являются злом, которое было бы целесообразно искоренить. Но то, что она называет «конкретным» само по себе, в своей свирепой односторонности, является самой абстрактной из всех вещей. Это щит увядших цветов, за которым просматривается то, для выполнения чего она была предназначена: насильственное отрицание метафизики. У Молодой Девушки есть не просто палка против всего что превосходит её, у неё есть целый лес против этого, целая свора бешеных собак. Её ненависть против всего великого, всего что вне достижения потребительства, неизмерима.

У Молодой Девушки есть достаточно «конкретного», чтобы не поддаваться метафизическому ощущению своего ничтожества.

«Зло – это то, что отвлекает.»(Кафка)

«Любовь к жизни» которую Молодая-Девушка так превозносит, в реальности лишь её ненависть опасности. Так она исповедывает свою решимость сохранять отношения чистой непосредственности с тем что она называет «жизнью» и что очевидно относится только к «жизни внутри Спектакля».

Среди всех апорий, претенциозная масса которых образует западную метафизику, наиболее устойчивой кажется установление, путём отречения, сферы «голой жизни». Под квалифицированным, политическим, репрезентабельным человеческим существованием есть мол, целиком презренная, нечёткая, невыразимая сфера «голой жизни»: воспроизводство, домашняя экономика, гетеросексуальное *совокупление* или даже диета – все эти вещи, которые ЛЮДИ наиболее ассоциируют с «женственной идентичностью», возможно сливаются в этом болоте. Молодые Девушки лишь поменяли знаки в уравнении, которое они оставили неизменным. И таким образом сделали себя очень курьёзным видом общности, которую ЛЮДИ могли бы назвать «жизнь-во-имя-жизни», если бы ОНИ знали, что общность западной

метафизики в последнее время была определена как «жизнь-во-имя-смерти». И так совершенно, что Молодая Девушка убедилась в том, что нужно на самом глубоком уровне своего бытия объединять всё в отношении физиологии, повседневности, психологии, злословия по углам и того что люди думают. Неоднократного провала их «любовей» и «дружб» не достаточно чтобы открыть им глаза на то, что это именно их и разделяет.

Молодая Девушка противопоставляет рой органов – ограниченности. Одиночеству - продолжительность жизни. И трагедии выставления напоказ противопоставляет идею, что хорошо быть заметной.

Подобно устанавливающим их существам, взаимоотношения, созданные в пределах спектакля, лишены содержания и смысла. Если бы отсутствие смысла, что столь очевидно на протяжении всей жизни Молодой Девушки, сводил её с ума, но нет – это только позволяет ей быть в своём нормальном состоянии безусловного абсурда. Создание Молодых Девушек не продиктовано никаким видом реального использования (вернее сказать: им в действительности нечего делать вместе) или определённой склонности, пусть даже безответной, одного к другому (даже их склонности не их по сути), ничего кроме символической полезности, которая делает каждого партнёра символом счастья другого, райская полнота, неустанное переопределение которой является миссией Спектакля.

Соблазнение, став аргументом тотальной мобилизации, естественно стало формой рабочего интервью и «любовь» сортом взаимной и частной занятости, с неопределённым сроком для счастливых.

«Не бери в голову!»

Никакой предатель не наказывается Молодой-Девушкой более жестоко, чем Молодая-Девушка дезертирующая из армии Молодых-Девушек или претендующая на освобождение от неё.

Основная деятельность Молодой-Девушки не состоит исключительно из отделения «профессионального» от «персонального», «общественного» от «частного», «эмоционального» от «утилитарного», «разумного» от «безумного», «повседневного» от «исключительного», но прежде всего в воплощении этого отчуждения в самой её жизни.

Молодая Девушка безусловно может говорить о смерти, но всегда она будет заключать, что всё-таки «это жизнь».

Молодая Девушка «любит жизнь», что должно быть понято как то, что она ненавидит все *формы жизни*.

Молодая Девушка, как и всё остальное, говорит о «любви», говорит в обществе, которое приложило все усилия, чтобы любовь окончательно стала невозможна: она лжёт на службе господства.

«Молодость» Молодой Девушки относится только к определённом упрямому отрицанию смертности.

Задница Молодой Девушки – глобальная деревня.

Когда она говорит о «мире» и «счастье», на её лице – смерть. Её негативность не от ума – это негативность инертного.

Молодая Девушка имеет уникальную связь с голой жизнью во всех её формах.

У Молодой Девушки полностью переписала названия семи смертных грехов. Первой строкой она мило каллиграфически вывела слово: «одиночество».

Молодая Девушка плавает с головой в имманентности.

9. Молодая Девушка против себя. Молодая Девушка как невозможность.

То что спектакль окончательно сделал реальным абсурдный метафизический концепт, согласно которому всё возникает из его идеи и никак иначе – поверхностный взгляд. В Молодой Девушке мы ясно видим что люди получают возникающую реальность как материализацию её концепта. Они отрезают её от всего что делает её сингулярной и в своей бедности *она становится похожа* на идею.

Эта *человеческая* чуждость миру товаров бесконечно преследует Молодую Девушку и включает угрозу для неё, *«угрозу, которая фактически совсем несовместима с полной безопасностью и полной отсутствием нужды в условиях повседневного беспокойства.»*(Хайдеггер) Эта тревога, которое является фундаментальным способом существования тех, кто не может больше действительно *жить* в своём мире – центральная, универсальная и *сокрытая* истина эры Молодой Девушки и самой Молодой Девушки; сокрытая, поскольку наиболее часто *взаперти*, *вдали* от всех посторонних глаз, она бесконечно рыдает. Пока она съедается своим ничтожеством, эта тревога – просто другой мир одиночества, тишины и лицемерия, которое составляет метафизическое условие Молодой Девушки, к достижению которого она приложила столько усилий.

Бушующая жажда развлечений Молодых Девушек и всех других Блумов уходит своими корнями в страдание-тревогу-страх-отчаяние.

Одну секунду Молодая Девушка – голая жизнь, а следующую – переодетая смерть. На самом деле, Молодая Девушка – это то что держит их *постоянно* вместе.

Молодая Девушка замкнута на себе, поначалу это очаровывает, а затем начинает гнить.

Анорексия интерпретирована как фанатизм отрешённости, который, столкнувшись с невозможностью метафизического соучастия в мире товаров, стремится физически участвовать в нём, что конечно не удаётся.

«Духовность – наша новая потребность? Есть неизвестная тайна в каждом из нас?»

Интерес – это только очевидный мотив для поведения Молодой Девушки. Когда Молодая Девушка продаёт себя, она пытается избавиться от себя или по крайней мере почувствовать, что она будет оправдана, но этого никогда не происходит.

Анорексия выражает среди женщин ту же апорию; которая проявляется среди мужчин в форме стремления к власти: желание господства. Но вследствие более строгой культурной патриархальной кодификации для женщин, анорексичка переносит на своё тело желание господства, которое она не может применить к миру. Пандемия, аналогичная той, которую мы мы наблюдаем в наши дни среди Молодых Девушек, проявлялась в середине Средних Веков среди святых. Точно также как анорексичная Молодая Девушка противопоставляет миру, желающему редуцировать её саму до её тела, своё господство над своим телом, святые противопоставляли патриархальному посредничеству церкви своё прямое общение с Богом, а зависимости, в которой ОБЩЕСТВО хотело их удержать, - свою радикальную независимость от мира. В святой анорексии, *«уничтожение физических потребностей и жизненных ощущений – усталости, сексуального влечения, голода, боли – позволяли телу осуществлять героические подвиги, а душе общаться с Богом.»* (Рудольф Белл, *Святая анорексия*) В наши дни, когда медицинский персонал исполняет роль церкви и в патриархальном мироустройстве, и у кровать анорексической Молодой Девушки,

процент выздоровевших от того, что общество провозгласило «нервной анорексией», по-прежнему остаётся исключительно низким, несмотря на довольно-таки значительное упорство терапевтов по всему миру; уровень смертности опустился лишь в некоторых странах ниже 15%. Дело в том, что смерть от анорексии, будь она святой или «нервной», провозглашает окончательную победу и над телом, и над миром. Как и в экстазе доведённой до конца голодовки, Молодая Девушка обнаруживает в смерти высшее подтверждение её отрешения и её чистоты. *«Анорексички сражаются против факта того, что они были обращены в рабство, эксплуатируются и ведут жизнь не по своему выбору. Они предпочитают голодать, а не продолжать жить компромиссами. В этом слепом поиске своей идентичности и собственных чувств они не принимают ничего, что их родители или мир вокруг них могут предложить...в нервной анорексии, настоящей или специфической, пациенты в первую очередь хотят бороться за то, чтобы получить господство над самими собой, своей личностью, стать деятельными и энергичными»* (Брух, Глаза и живот). *«На самом деле, - заключает послесловие к «Святой анорексии», - анорексия может служить прообразом трагической карикатуры на женщину, свободную от предрассудков и независимую, но не способную к близким отношениям, движимую идеей власти и господства».*

Действительно существует определённая объективность в Молодой Девушке, но она фиктивная. Молодая Девушка – это противоречие замороженное в могильной неподвижности.

Что бы она не говорила, Молодая Девушка не отказывается от права на счастье, но от права на несчастье.

Как бы счастлива Молодая Девушка не была бы в каждом из отделённых аспектов её существования (работа, любовь, секс, отдых, здоровье и т. д.), она по существу должна оставаться несчастной именно потому что эти аспекты отделены. Несчастье – это фундаментальная

тотальность существования Молодой Девушки. Всё в порядке, несчастье делает хороших потребителей.

Страдание и несчастье, присущие Молодой Девушке, демонстрирует невозможность «конца истории», где человек мог бы по сути быть самым разумным из всех видов животных и отказаться от всего дискурсивного сознания, всякого стремления к признанию и всех упражнений её негативности, одним словом, невозможности американского стиля жизни.

Когда Молодая Девушка слышит о негативности, она звонит своему психологу. У неё есть самые разнообразные слова чтобы не говорить о метафизике, когда метафизике хватает дурного тона, чтобы быть слишком явно слышимой: «психосоматический» - одно из них.

Как модель, которой она обязательно мечтала быть в то или иное время, цель Молодой Девушки – тотальная невыразительность, экстатическое отсутствие; но образ оскверняется воплощаясь и Молодая Девушка руководит только выражением ничто, живущего, сочащегося, потливого ничто, влажного ничто – пока её не затошнит.

Киборг как предел. Иммунодефицитный этап Молодой Девушки.

Молодая Девушка депрессивна, потому что она хотела бы быть вещью среди вещей, то есть она хотела бы быть как *все остальные* – как *они видятся ей снаружи* – и она не может, потому что она хотела бы быть символом и плавно циркулировать внутри гигантского семиократического метаболизма.

Вся жизнь Молодой Девушки совпадает с тем, что она хотела бы забыть.

Очевидный суверенитет Молодой Девушки есть также абсолютная уязвимость отделённого индивида, слабость и изоляция, которые нигде

не могут найти себе ни места, ни безопасности и ни защиты, которую кажется ищут повсюду. Это потому что жизнь Молодой Девушки происходит непрерывно «в погоне за собой», то есть, в страхе.

Молодая Девушка предлагает нам аутентичную *энигму* счастливого *рабства*, в которую мы не можем заставить себя поверить. Мистерия святящегося радостью раба.

Стремление к счастью суммирует (эффект также как и причину) несчастье Молодой Девушки. Облик Молодой Девушки бешено показывает её жажду субстанции, которую не утолить.

Вся элегантность Молодой Девушки никогда не сможет скрыть её непобедимую вульгарность.

«Всё красивое, всё органическое!»

Молодая Девушка хочет *лучший из миров*; к сожалению «лучший из миров» *невозможен*.

Молодая Девушка мечтает о теле абсолютно прозрачном в огнях Спектакля. Она хотела бы быть во всём не более чем идеей, которая есть у людей о ней.

Фригидность является правдой нимфомании, импотенция является правдой дон-жуанизма, анорексия – правдой булемии.

Потому что в спектакле, где облик счастья работает также как неперемное условие счастья, обязанность симулировать счастье – это форма всего страдания.

Полупрозрачное не-существование Молодой Девушки показывает ложную превосходство, которую она воплощает.

То что доказывает молодая Девушка – это то что нет хорошенькой внешности без ужасающей бездны за ней.

Молодая Девушка – эмблема экзистенциальной тоски, выражающей себя в безосновательном ощущении постоянной незащищённости.

Спектакль позволяет разговаривать о сексуальном несчастье только чтобы заклеить неспособность людей обмениваться один на другого как совершенные товары. В противном случае упрямое несовершенство рынка соблазнения будет тревожным.

Анорексии питают отвращение к вещам этого мира только так чтобы сделать себя более отвратительными, чем они есть.

Как и многие другие наши несчастные современники, Молодая Девушка приняла западную метафизику вплоть до её апорий. И она напрасна, чтобы придать этому форму, будет искать её в голой жизни.

Экстримальное распространение импотенции, фригидности, вагинальной сухости могут быть немедленно поняты как противоречия капитализма.

Анорекия выражает на той же территории что и товары, самое несдержанное отвращение к ним как к пошлости всего богатства. Во всех её телесных выражениях, Молодая Девушка выражает нетерпеливую ярость уничтожения материи и времени. Она – бездушное тело, мечтающее о бесплотной душе.

«Анорекия Катерины Сиенской была следствием её желания укротить потребности её тела, которые казались ей омерзительными преградами на пути к достижению святости.» (Рудольф Белл, Святая анорекия)

Анорекия должна рассматриваться более чем просто модную патологию: желание освободиться от тела, полностью колонизированного товарной символикой, сведённая к пыли физическая объективность, которой Молодая Девушка была полностью обездолена. Но всё это закончилось производством нового тела из отрицания тела.

И в анорексии Молодой Девушки и в аскетическом идеале есть та же ненависть к плоти; и фантазии разрешаются стремлением к физическому в его чистом состоянии: скелету.

Молодая Девушка страдает тем, что можно было бы назвать «комплексом ангела». Она стремится к совершенству, которое состоит в бытии *бестелесной*. На дисплее своих весов она может легко прочесть односторонность товарной метафизики.

Анорексия ищет абсолюта по-своему; то есть, она ищет худший из абсолютов худшим из способов.

Желание Блума и, соответственно, Молодой Девушки связано не с телами, а с сущностями.

Абсолютная уязвимость Молодой Девушки подобна уязвимости торговца, чей товар может быть украден любой неконтролируемой силой

Молодая Девушка – это «метафизическое» существо в фальсифицированном современном смысле этого слова. Она бы не пропускала своё тело через различные виды испытаний и жестокого покаяния, что она делает, если бы она не боролась с ними, думая что она борется с каким-то демоном, и не хотела бы подчинить его целиком *форме*, идеалу, мёртвому совершенству абстракции. Метафизика, в конце концов, есть только ненависть к физическому, **понимаемое как что-то что ниже метафизики?**

«Как носить био?»

Молодая Девушка – это финальная попытка товаров превзойти себя, которая провалилась.

10. Покончить с Молодой Девушкой

Молодая Девушка – это такая же массивная и хрупкая реальность как и Спектакль.

Как все переходные формы, Молодая Девушка – оксюморон. Также она первый случай материалистического раскаяния, аскетизма без идеала.

Трусливо преданные капризам Молодой Девушки, мы научились презирать её, повинуясь ей.

Настоящее сексуальное страдание ни в коей мере не напоминает то что было в прошлом, потому что теперь эти тела без желания сгорают изнутри, поскольку не могут насытиться желаниями, которых у них нет.

В течении своего метастатического развития, обольщение теряло интенсивность с возрастанием своего расширения. Любовный дискурс никогда не был так беден как сейчас, когда каждый чувствует обязанность петь ему хвалу и комментировать.

Молодая Девушка не выглядит как мёртвое тело, как можно предположить читая женские журналы, она выглядит как сама смерть.

Все пытаются продать себя и никто не может сделать это убедительно.

Вопреки тому, как может показаться на первый взгляд, насильник не борется с мужчиной или женщиной как личностью, но *с самой сексуальностью* как аппаратом контроля, который он присваивает обратно.

Со своим появлением обнажённое тело Молодой Девушки было способно произвести ощущение истины. Теперь эта сила напрасно разыскивается среди самых юных тел.

То, насколько мало обаяния мы находим в Молодой Девушке показывает насколько нам уже удалось её уничтожить.

Это не вопрос об освобождении Молодой Девушки, но освобождения относительно Молодой Девушки.

В некоторых крайних случаях, мы видим как Молодая Девушка поворачивает ничто, заселяющее её, против мира, который породил её такой. Чистая пустота её формы, её глубокая враждебность ко всему что существует будет сжато во взрывные сгустки негативности и ей придётся уничтожить всё вокруг себя. Похожее на пустыню пространство внутри неё получит горячее желание довести каждую точку империи до равного опустошения. *«Дайте мне бомбу, я должна умереть.»* - как говорили русский нигилист прошлого столетия, прося возможности участвовать в покушении на князя Сергея..

Молодая Девушка как человек власти не может позволить себе никакого коллапса, краха в *себе*. И дистанция падения будет измерять только пропасть между амплитудой социального существа и экстремальной чахлостью сингулярного, то есть, бедность наших взаимоотношений с собой. Но в бедности одного есть также вся *сила* которой не хватает для завершения другого.

«Но мне также предстояло разрушить тот ореол, которым мужчины стремятся окружить этот другой образ женщины – молодую девушку, кажущуюся безразличной к телесности и лишённую всякой чувственности – продемонстрировав, что она полностью соответствует типу матери, и что девственность как таковая по определению ей столь же чужда, как и проститутке. И как показал дальнейший анализ, материнская любовь не связана ни с какой нравственной заслугой.» (Отто Вейнингер, Пол и характер)

Никогда эпоха не была так сильно возбуждена желаниями, но никогда желание не было так *пусто*.

Молодая Девушка напоминает монументальность архитектуры времён Платона, покрытую временем и дающую зрителю только переходящую идею вечности, так как она уже разрушена. Это также иногда заставляет подумать о чём-то другом, но тогда это всегда труппы.

«Я мог бы уничтожить современные вкусы студентки, внося в них посторонние, чужеродные элементы, смешивая их со всем подряд.»
(Гомбрович, Фердидурка)

Под кажущимся беспорядком желаний барака-вавилоня суверенно царит порядок *корысти*, сам по себе который лишь вторичная реальность без всякого смысла в себе, кроме желания для желания, которое находится на дне всей *отсутствующей* жизни.

Мутация внутри фигуры Молодой Девушки симметрично следует эволюции капиталистического способа производства. Итак, за последние тридцать лет мы шаг за шагом продвинулись от фордского типа соблазнения, с его обозначенными местами и моментами, его статической прото-буржуазной формой пары, к пост-фордскому типу, диффузному и де-ритуализированному, который расширил фабрику пар на все тела и всё социальное пространство—время. На этой особенно продвинутой стадии тотальной мобилизации все призваны поддерживать свою «силу соблазнения», которая заменила их «рабочую силу», так что они могут в любой момент быть уволены или снова отправлены на сексуальный рынок.

Молодая Девушка убивает плоть чтобы взять реванш против Биовласти и символического насилия, которому спектакль подвергает её.

Смотря на её прошлое непоколебимой позитивности, трудности которые она теперь представляет, ещё более массивно показывают, что

сексуальное удовольствие самое метафизическое из всех физических наслаждений.

«Кто-то публикует элегантные, модные, «трендовые» журналы. Мы же создали здоровый, свежий, насыщенный кислородом журнал, с голубыми облаками и био-эко полями, журнал, который более реален, чем сама природа».

Молодая Девушка полностью сконструирована, поэтому она может быть полностью разрушена.

Только в своём страдании Молодая Девушка привлекательна. Существует, очевидно, субверсивная сила травмы.

Успех подражательной логики, который принёс Молодой Девушке её настоящий триумф, также включает необходимость своего исчезновения. И, наконец, инфляция Молодых Девушек безусловно подорвёт эффективность каждой из них.

Теория Молодой Девушки участвует в формировании точки зрения, способной ненавидеть Спектакль везде, где он прячется, то есть везде, где он проявляется.

Кто же, кроме последних дураков ещё может серьёзно быть тронут «хитростью, уловками, которыми он смог проникнуть в сердце Молодой-Девушки, властью, которую он смог взять над ней, одним словом, чарующим, расчётливым и методическим характером соблазнения» (Кьеркегор)?

Везде где не любят товар, не любят и Молодую Девушку.

Распространение отношений соблазнения на все виды социальной деятельности означает также смерть всего, что оставалось в них живого. Генерализация(логический приём, предусматривающий обобщение,

переход от частного к общему, подчинение частных явлений общему принципу) симуляции(тотальная семиотизация бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности) также делает их всё более и более невозможными. И так это момент величайшего несчастья, когда улицы заполнены гедонистами без сердца, соблазнительями, скорбящими о всяком соблазнении, трупами желаний, с которыми никто не знает, что делать.

Это будет физическим феноменом, как потеря ауры. Как электризация тел, порождённая сильным разделением, начинает выражать себя, пока не исчезнет. Возникнет новая близость и новые дистанции.

Полное опустошение желания будет концом товарного общества, как и всего общества.

Ландшафт опустошённого эроса.

«Как общее правило, социальный прогресс и изменения в исторических эпохах происходят в связи с движением женщин к свободе.» (Фурье)

Когда все уловки Молодой Девушки исчерпаны, у неё остаётся последняя из них – отказаться от уловок. Но это действительно последняя.

Сделав себя троянским конём планетарного господства, желание освободилась от всего что его прикрывало, от всего домашнего, частного, скрытого от посторонних глаз. Предпосылкой к тоталитарному переопределению желаемого было в действительности его становление автономным от всякого реального объекта, от всякого конкретного содержания. Научившись применяться к сущностям, оно невольно стало абсолютным желанием, желанием абсолюта, которое ничто земное не способно утолить. Эта неудовлетворённость является центральным рычагом потребления, также как и его субверсии.

КОММУНИЗАЦИЮ тел следует ожидать.

Ежедневное распространение Молодой Девушки всё ещё идёт без вопросов?

На данный момент Молодая Девушка является наиболее роскошным товаром циркулирующем на рынке скоропортящихся товаров, флагман пятой индустриальной революции, который служит для продажи всего остального, от страхования жизни до АЭС; чудовищная и реальная мечта самых смелых и фантастических коммерсантов: независимый товар, который ходит, говорит и привлекает внимание, вещь, которая наконец-то живёт, которая больше не понимает жизнь, а просто переваривает её. Три тысячи лет неустанного труда миллионов пухлых лавочников, поколение за поколением, теперь нашли своим блестящим венцом Молодую Девушку, потому что это товар, которому запрещено сторгать, акции, которые сами себя генерируют, неотчуждаемое и непередаваемое имущество, которое должно, тем не менее быть оплаченным, собственность/добродетель, которая постоянно имеет свою цену; она шлюха, требующая уважения, смерть, движущаяся сама по себе – она закон и полиция в одном...кто не уловил в её окончательной и мрачной красоте сверкающий блеск **сексапильности неорганического?**